

Алексей
МАКЕЕВ

Она слишком
любила
красное

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Алексей Макеев

Она слишком любила красное

«Научная книга»

2012

Макеев А. В.

Она слишком любила красное / А. В. Макеев — «Научная книга», 2012 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-61072-3

Бизнесмен Роман Белозеров женится на очаровательной Виктории. Девушка оказалась с большими претензиями, и Роману приходится тратить уйму денег, чтобы выполнить все капризы молодой супруги. Она захотела личный автомобиль – пришлось покупать. Она потребовала нанять опытного инструктора – и вот молодую жену уже опекает специалист по машинам Данила Луговой. Спустя некоторое время Роман начал подозревать Викторию в супружеской измене, и у него зарождается план жестокой мести...

ISBN 978-5-699-61072-3

© Макеев А. В., 2012
© Научная книга, 2012

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	19
5	22
6	27
7	32
8	35
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Макеев

Она слишком любила красное

1

Единственный человек, с кем я бы не рискнул играть в покер, это тот, который находится по ту сторону зеркала. Я не могу сказать, что он пугает меня отталкивающей внешностью, хотя его высокий морщинистый лоб, большой нос с широкими вздутыми ноздрями, квадратный подбородок и выпяченные, как у рака, глаза невольно вызывают во мне чувство некоторого отвращения. Он опасен гениальным складом ума. Он мгновенно анализирует ситуацию и способен обстрелять самое запутанное дело.

Разумеется, смерть Данилы Лугового и моей жены Виктории на нашей с ним совести, но вышеизложенное обстоятельство меня ничуть не смущает. Во всяком случае – они получили по заслугам! Данила бесцеремонно вторгся в мою жизнь и нарушил ее спокойное течение. Вика почему-то решила, что может безнаказанно опустить меня ниже плинтуса. Теперь они мертвы! К каждому убийству я готовился с особой тщательностью. При необходимости мне не составит особого труда ответить на ряд вопросов какого-нибудь новоиспеченного Пинкертона, чьи мелкосортные мозги никогда не сравнятся с моими извилинами. Никто не сможет предъявить мне обвинение, не рискуя нарваться на весомые оправдания со стороны моего адвоката. У меня достаточно свидетелей, которые подтвердят, что они оба погибли в результате несчастных случаев.

Теперь, после всего случившегося, я часто анализирую произошедшее и всякий раз убеждаюсь в том, что совершенные мною преступления не только были справедливым приговором для моих обидчиков, но и стали для них закономерным возмездием. Чтобы не выглядеть посмешищем в высшем обществе мурманских бизнесменов и не прослыть рогоносцем на весь Кольский полуостров, я был вынужден пойти на крайние меры. Раскаиваюсь ли я в содеянном злодеянии? И да, и нет. Трудный вопрос, на который невозможно ответить с непоколебимой уверенностью. Меня постоянно гложет нестерпимая обида оттого, что ни Данила, ни моя распутная жена так никогда и не узнают, что именно я, а не кто-то иной, отомстил им за измену. Впрочем, в какой-то степени я до сих пор сожалею о том, что навсегда потерял Викторию. Если насчет Данилы у меня нет ни малейшего сострадания, то по отношению к ней у меня по-прежнему остались некоторые нежные чувства. Те полгода, которые я провел с этой очаровательной женщиной, навсегда останутся в моей памяти приятным воспоминанием. Разумеется, если не брать во внимание ее порочные отношения и нездоровый интерес к Даниле Луговому. Ее жуткая смерть принесла торжество отмщения за мою поруганную честь, но вместе с тем отозвалась острой болью в моей душе и осталась незарубцевавшейся раной в моем сердце. Любил ли я Викторию? Безусловно! Мне кажется, что я любил ее уже в те далекие времена, когда еще не был с ней знаком. Я любил ее в заветных грезах давно прошедшей юности. Я продолжаю любить даже сейчас, когда ее нет рядом. Я продолжаю ощущать ее жаркое дыхание, чувствую запах ее густых каштановых волос, слышу ее звонкий певучий голос и вижу ее зеленые с поволокою глаза. Я даже до мельчайших подробностей помню нашу первую встречу, которая произошла в фойе ресторана, расположенного в центре города в самой дорогой и престижной гостинице «Арктика». Именно в то мгновение, когда я невольно обратил на нее внимание, я понял разницу между обычной земной женщиной и настоящей богиней, ставшей олицетворением красоты, нежности и великолепия. Несмотря на то, что она была в сравнительно простеньком, но весьма изящном белом платье с брошью в виде сочных вишен на левой груди, она все равно оставалась самым совершенством. У нее были стройные

соблазнительные ножки, точеная фигурка с округлыми бедрами, умный лукавый взгляд и загадочная улыбка, расточительно излучающая добрую пьянящую теплоту. Она была глотком свежего воздуха в загнивающем обществе, которое насквозь пропиталось запахом дорогих вин, ароматом импортных сигарет и лживым лицемерием, скрывающим истинное лицо мерзких людишек, погрязших в пьянстве и разврате. Она была забавной пташкой, порхающей среди стаи общипанного воронья. Она была Полярной звездой на темном небосводе. Самой яркой и самой выразительной. Она была до такой степени хрупкой миловидной очаровашкой, что я не мог в нее не влюбиться. То обстоятельство, что рядом с ней был Олег Михайлович Звягинцев, мой бывший однокурсник по педагогическому университету, подтолкнуло меня к решительным действиям. Я не стал дожидаться, когда их проведут в банкетный зал ресторана, и незамедлительно вышел навстречу. Не имея ни малейшего желания допустить с его стороны излишнего панибратства, я преднамеренно обратился к нему по имени и отчеству, в надежде на то, что и он станет обращаться ко мне подобающим образом.

– Олег Михалыч! Какая приятная и неожиданная встреча, – воскликнул я с легкой бесцеремонностью и крепко пожал ему руку. – Никогда бы не подумал, что встречу тебя в таком шумном заведении да еще в сопровождении столь обворожительной спутницы. Ах, Звягинцев, ты по-прежнему все такой же ловелас!

Я шутливо погрозил ему указательным пальцем.

– Это совсем не то, о чем ты подумал, – сухо ответил он, перехватив мой вожделенный взгляд, брошенный на его подружку. – В свое время ее отец начал всерьез заниматься фермерством и был частым гостем в доме моих родителей, которые служили в нотариальной конторе.

В его голосе прослушивалось откровенное негодование. Было заметно, что, в нарушение элементарных правил этикета, он не собирался представить нас друг другу. Я самопроизвольно сделал вывод, что и в тридцать три года, достигнув возраста Иисуса Христа, он остался все тем же несносным человеком, которым я знал его в годы былой юности. Впрочем, даже его внешность почти осталась без изменений. Все те же редкие рыжие волосы, умело зачесанные набок, чтобы прикрыть чересчур большую залысину, те же глаза, в которых отражалась постоянная обида на весь окружающий мир, и тот же заносчивый характер с напыщенной бравадой на пустом месте.

Какое-то время мы оба держали паузу. Заметив, что она стала до неприличия затянутой, Виктория окинула меня лукавым взглядом, потом посмотрела на Звягинцева. Она хотела ему что-то сказать, но я успел ее опередить.

– Мне будет очень приятно, если вы оба согласитесь пройти за мой столик, – великодушно предложил я. – Разумеется, если не имеете ничего против моей компании.

Звягинцев удивленно поднял брови.

– Право, даже неловко, – замялся он. – Не хотелось бы тебя беспокоить.

– Ах, Олеженька, ну нельзя же быть такой букой, – промурлыкала Виктория. – Почему мы должны отказываться?

– Наверное, ты права, – нехотя согласился он.

Его враждебный взгляд сказал мне о многом. Я улыбнулся ему в ответ, сделав вид, что ничего не заметил.

– Мы с удовольствием примем ваше предложение...

В голосе Вики прозвучала озорная веселость.

– Роман... – представился я, и тут же добавил: – Роман Александрович Белозеров!

На лице Звягинцева появилось тупое отсутствующее выражение, лишённое всякого восприятия. Он прошел за мой столик с таким отрешенным видом, словно его вели на эшафот. Но ни его хмурое настроение, ни косые взгляды, брошенные в мою сторону, меня ничуть не смущали. Центром моего внимания была Виктория. Уже в начале нашего общения мною было

оказано столько знаков внимания, что она вовсе позабыла о присутствии незадачливого кавалера и лишь изредка перекидывалась с ним малозначительными фразами.

Пока официант, худощавый обрусевший лопарь среднего роста, занимался дополнительной сервировкой стола, Вика успела задать десяток вопросов, на которые я без особого труда смог дать исчерпывающие ответы. Затем я вкратце рассказал, как мы с Олегом Михайловичем на протяжении ряда лет грызли гранит науки, и даже вспомнил несколько забавных историй из студенческой жизни, не забыв упомянуть о футбольном матче, когда он неудачно упал возле ворот и с той поры стал прихрамывать на правую ногу. Мельком посмотрев в его сторону, я нарочито высказал сожаление о том, что по окончании университета наши пути разошлись. Мне показалось, что Виктория поверила в искренность моих слов. Звягинцев был нем как рыба. По всей вероятности, он чувствовал, что его возвышенные планы насчет Виктории потерпят сокрушительное фиаско. Я же не замолкал ни на секунду и был немало удивлен собственному красноречию. Я даже успел упомянуть о том, что крупная торговая сеть, опутавшая не только пределы Мурманска, но и раскинутая по всей области, – это сложное хитросплетение мощной торговой системы!

– Ваш покорный слуга – далеко не последнее звено в этой цепи! – утопая в ее зеленых глазах, высокопарно произнес я и тут же добавил: – Смее заверить: если вы согласитесь приобрести подарки родным и близким в моем сопровождении, то такая экскурсия доставит вам истинное наслаждение! Я владелец ряда продуктовых магазинов, но если вас интересуют ювелирные изделия, то мы можем зайти в «Золотой телец», в «Горку» или в «Изумруд»...

Когда я загнул все пальцы на обеих руках, то напористо продолжил бурное повествование, которое даже меня самого привело в неописуемый восторг. Я никогда бы не подумал, что так досконально знаю родной город.

– При желании можем прогуляться по центральной площади «Пять углов» и посетить салоны кожи и меха, где продаются лишь фирменные изделия, – предложил я, не сводя с нее целеустремленного взгляда.

Желая выглядеть наиболее культурным и образованным человеком, чем я был на самом деле, я предложил посетить краеведческий музей, а затем сходить в областной драматический театр или же в театр Северного флота.

– В конце концов, – высокопарно произнес я – можем подняться к памятнику защитникам Советского Заполярья и полюбоваться панорамным видом!

– К памятнику солдату «Алеше»? – поинтересовалась Виктория – Олежек показывал мне его, но, правда, издалека.

– По размерам наш мурманский «Алеша» уступает лишь волгоградской скульптуре «Родина-мать!» – запальчиво сказал я и тут же добавил: – К сожалению, вынужден признать, что по сравнению с вашей Вологдой, где находится почти двести памятников архитектуры и истории федерального значения, Мурманск молодой и по историческим меркам не столь значимый город. У вас в Вологде только один Архиерейский двор, обнесенный каменными стенами, чего стоит! А ансамбль Спасо-Прилуцкого монастыря? Церкви Константина и Елены, Иоанна Златоуста...

На какое-то мгновение я забыл, что нахожусь в ресторане, а не читаю лекцию приезжим абитуриентам на тему: «Мой родной город».

– У нас ведь тоже есть ряд собственных достопримечательностей, – продекламировал я. – У Семеновского озера расположен Дом детского творчества «Лапландия» и Мурманский океанариум, а на противоположной стороне находится храм Спаса на водах.

Случайно заметив, что Виктория начинает поглядывать сквозь меня, я мгновенно прервал пламенную речь и виновато пожал плечами.

– Извините, меня куда-то понесло, – пристыженно сказал я. – Несмотря на то, что Мурманск еще не обладает особо ценным историческим наследием, он мне очень нравится, и я

могу рассказывать о нем до бесконечности. Я искренне люблю этот город и верю, что у него прекрасное светлое будущее!

Я понял, что вовремя остановился. Виктория перестала смотреть куда-то вдаль и вновь отнеслась ко мне с должным вниманием.

– Конечно, вы правы. У Мурманска большие перспективы. С этим сложно спорить, – согласилась она и тут же с изумлением спросила: – Но как вы догадались...

– Откуда вы родом? – не позволив ей договорить, переспросил я.

– Вот именно. Ведь я еще ничего не успела о себе рассказать.

– Здесь нечему удивляться, – простодушно ответил я. – Михалыч невзначай упомянул, что ваш отец...

– Ну, конечно же, – улыбнулась она. – Мой отец был частым гостем у его родителей. А вы наверняка знали, что Олежек родился и вырос в Вологодской области. Как все просто!

– Как и все гениальное! – негодуя пробухтел Звягинцев.

Ему явно не нравилось, что Виктория смотрела на меня замороженным взглядом.

Справедливости ради должен заметить, что его озлобленность шла мне только на пользу. Чем заметнее он ревновал ко мне Викторию, тем больше выглядел в ее глазах настоящим кретинком. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не понять, с каким расчетом он привел ее в один из самых престижных и дорогих ресторанов города. Разумеется, он хотел произвести на нее неизгладимое впечатление. Когда я заметил, как долго Звягинцев просматривает меню, то невольно догадался, что он усердно изучает цены. Ресторан гостиницы «Арктика» был ему не по карману. По крайней мере, нещадно опустошал его личный бюджет.

– Что будем заказывать из спиртного? – ненавязчиво спросил я, предоставляя ему право выбора.

– Думаю, коньяк, – ответил он запальчивым голосом. – Можно «Гянджа» или «Апшерон»...

– Не слишком удачный выбор, – не без иронии в голосе посетовал я. – Лучше заказать коньяк от фирмы Хеннесси. Этому коньяку присущ богатый, сильный и нежный вкус.

Я вновь с восхищением перевел взгляд на его спутницу и поучительно произнес:

– Кстати, это излюбленный напиток английской королевы Виктории. Если можно так выразиться – вашей тезки...

Я не успел договорить, потому что Звягинцев бесцеремонно прервал мою речь.

– В таком случае можно заказать «Курвуазье», – сказал он, явно намереваясь подняться в глазах собственной дамы и заодно осадить мою заносчивость.

– Отлично! – согласился я. – Еще в начале позапрошлого столетия винодел из Парижа Эммануэль Курвуазье поставлял выдержанные в Шаранте напитки самому императору Наполеону Бонапарту! Этот коньяк, с выдержкой от 15 до 20 лет, имеет мягкий вкус, аромат спелых фруктов и пряностей. Но все-таки ради нашей встречи я бы осмелился предложить: «Домэн дю Бюиссон». Коньяк 70-летней выдержки, имеет темный янтарный цвет и сложный букет с преобладанием тонов фруктов и шоколада. Во фруктовом диапазоне имеет более сладкий и более насыщенный аромат. У него густой, гармоничный вкус.

Виктория была заинтригована моими познаниями в области виноделия.

– К сожалению, я не употребляю крепкие напитки. Мне что-либо из легких вин, можно ликер... – попросила она.

Я с сочувствием посмотрел на Звягинцева и подумал о том, что ему следовало бы за несколько кварталов обходить стороной подобные рестораны. Он абсолютно не разбирался в спиртных напитках и мог лишь безошибочно отличить «Зубровку» от дешевого портвейна. К тому же самое лучшее, что он мог себе позволить, – это сводить Викторию в любой из захолустных баров, угостив ее жареными сухариками и кружечкой холодного пива.

– Сегодня вы мои гости и, пожалуйста, доверьтесь моему вкусу, – с возрастающей иронией в голосе подметил я. – Позвольте в придачу к коньяку заказать красное вино «Песак-Леоньян», десертное «Шато д’Икем» и немного шампанского.

На мое предложение Виктория игриво повела плечиком, а ее незадачливый кавалер еще больше нахмурил брови, но так и не осмелился возразить.

Прежде чем официант принял заказ, он беглым взглядом окинул Звягинцева, затем оценивающе посмотрел на мой фирменный костюм от Валентина Юдашкина.

– Что прикажете подать, уважаемый? – спросил он, непосредственно обратившись ко мне. При этом стоит заметить, что слово «уважаемый» было произнесено не менее значительно, чем если бы он назвал меня господином.

– Как обычно, все самое лучшее! – не задумываясь, распорядился я. – Не забудь конфеты и фрукты для дамы.

– И как обычно, сумма вас не интересует? – спросил он, пытаясь возвысить меня перед Викторией.

Ну что ж, надо отдать должное его сообразительности. Этот давно обрусевший лопарь добросовестно зарабатывал чаевые.

Как я и предполагал, Виктория стала смотреть на меня не только с трепетным восхищением, но и с раболепным восторгом. Я был для нее настоящим Дон Кихотом Ламанчским, способным по первому требованию удовлетворить любую ее прихоть.

2

Спустя час, когда Виктория вышла из-за стола поправить прическу и навести легкий макияж, Звягинцев неожиданно придвинулся ко мне.

– Берегись, Роман Александрович! – поучительно произнес он. – Викуля не такая безобидная и наивная дамочка, как может показаться на первый взгляд. Когда я имел неосторожность пригласить ее в гости с той целью, чтобы она смогла убедиться в неописуемой красоте нашего Заполярья, то не подозревал, что сяду в лужу.

– Мне непонятен смысл твоего умозаключения, – подметил я. – Объясни толком, что ты имеешь в виду?

– Когда я получил от нее телеграмму, то рассчитывал встретить кроткую, практически пугливую провинциалку. Я жестоко ошибся, Александрыч... Виктория – сущий дьявол! Это монстр, пожирающий деньги. Я никогда не был в подобных заведениях...

– Ты думаешь, это не заметно? – равнодушным тоном подметил я. – У тебя на лице отпечаток растерянности.

У меня не было ни малейшего желания вступить с ним в полемику, но я должен был хоть как-то поддерживать разговор.

– Ну, так вот, – продолжил Звягинцев. – Это была ее идея – зайти в «Арктику». Я не смог ей отказать. У меня не хватило духу признаться, что я не настолько богат, чтобы...

– Если ты прикидываешь в уме, во что обойдется наш столик, то пусть такой пустяк тебя не волнует. Все расходы я беру на себя. Мне действительно очень приятно провести этот вечер в вашей компании.

– Я не о том.

Звягинцев изрядно запьянел, но еще не дошел до предельной кондиции, когда мог потерять собственную мысль.

– Я смогу ее ублажать еще день, от силы – два. Далее мне придется залезть в долговую яму, из которой будет не так-то просто выкарабкаться. – Он глубоко вздохнул и внезапно спросил: – Ты ведь, Роман Александрович, не станешь скрывать, что эта чертовка тебе понравилась?

Он просверлил меня пристальным взглядом.

– Ты прав, в данной ситуации нет смысла скрывать очевидный факт. Я испытываю по отношению к ней восторженные чувства, – откровенно признался я. – Виктория великолепна! Она способна вскружить голову.

– Вот и я о том же. Дорогой бриллиант необходимо содержать в достойной оправе. Викуля – птичка высокого полета. Ей нужен большой простор и много свежего воздуха. Она мечтает о роскошной жизни. А что ей может предложить такой неприметный обыватель, как я?

– Ты что-то темнишь. Если правильно понимаю, – задумчиво поинтересовался я, – ты намерен мне предложить...

– Вот именно! – недослушав, подтвердил Звягинцев.

Он выпил очередную рюмку коньяку и печально добавил:

– Ты неплохо соображаешь, Александрыч. Ты всегда меня правильно понимал. Виктория – птичка высокого полета. Ей нужен большой простор и много свежего воздуха. Она мечтает о роскошной жизни. А что ей может предложить такой неприметный обыватель, как я? Ровным счетом ничего, кроме никчемных обещаний. Мне иногда кажется, что она считает меня неудачником.

– Ты прекрасный преподаватель физики. К тому же – отличный специалист в области электроники, – сказал я, решив хоть как-то исправить его упадочническое настроение.

– Все это верно, только необходимо здраво смотреть на вещи. Наша жизнь не так прекрасна и удивительна, как показывают в художественных кинофильмах и пишут в любовных романах. У нее много изъянов и еще больше темных сторон. Я прошу тебя только об одном, –

он низко склонил голову и тихо добавил: – Постарайся не обижать Викулиньку. И еще... Не говори, что я не предупреждал тебя о том, какая она транжирка. Это монстр...

– Ты начинаешь повторяться, – с укором подметил я.

– Она разует тебя до нитки.

– Это меня не пугает.

– Да, наверное... Я наслышан о том, что у тебя приличное состояние. Имея несколько крупных торговых точек, разбросанных почти по всей области, ты, конечно, можешь позволить себе некоторую роскошь. Можешь свободно посещать дорогие рестораны, заказывая осетрину и прочую дребедень. И все ж таки, будь осторожен!

– Никак не могу понять, к чему ты клонишь? – спросил я, прикидываясь наивным простачком. – Ты предлагаешь мне поухаживать за Викторией?

Звягинцев посмотрел мне в глаза.

– Мы же с тобой давние приятели, – уклончиво сказал он. – Викуля хоть и не дурна собой, но ведь она не породистая лошадка, которую можно продать или подарить. Она наверняка хочет хоть на какое-то время почувствовать себя богатой и счастливой женщиной. Ты в состоянии ее мечты воплотить в реальность.

Звягинцев на мгновение замолчал, потом снова посмотрел мне в глаза.

– Признайся, Роман Александрыч, – с трудом выговаривая каждое слово, пробормотал он, – ведь она тебе не только нравится? Могу поспорить, что ты в нее по уши втрескался. Она такая нежная, хрупкая... Ее нельзя не любить!

Я немного смутился от его прямого вопроса, но все-таки решил сказать правду.

– Более того, Михалыч... Даже намерен на ней жениться! – выпалил я почти на одном выдохе.

Между нами в очередной раз воцарилась продолжительная пауза. Я мысленно предвидел его реакцию, но не предполагал, что мой ответ шокирует его до такой степени.

– Повтори, что ты сказал! – настойчиво потребовал он. – Ты намерен на ней жениться?

Я утвердительно кивнул головой.

– Нет, Александрыч, этого недостаточно. Я хочу, чтобы ты повторил эти слова. Я требую!

– Намерен на ней жениться! – решительно повторил я.

– Но ведь ты ее совсем не знаешь. Буквально час назад ты даже не подозревал о ее существовании. Мне не нравится такая поспешность!

Он впервые повысил голос, и я понял, что его прорвало. Все его разговоры о том, чтобы я поухаживал за Викторией, были напыщенной бравадой и теперь мгновенно лопнули как мыльные пузырьки. Я не знаю, на что он рассчитывал, предлагая мне пофлиртовать с его подружкой, но теперь было видно невооруженным глазом, что он вовсе не хотел с ней расставаться.

– Я влюбился в эту забавную провинциалку, и она станет моей женой! – непоколебимо объявил я.

Мой утвердительный ответ его окончательно доконал.

– Когда я переступил порог этого ресторана, то даже не предполагал, что моя жизнь внезапно потечет по другому руслу, – не давая ему опомниться, продолжил я. – Но теперь все изменилось. Ты же знаешь, Олег Михалыч, что я всегда добиваюсь успеха в любом деле.

Он заметно сник, но на этот раз я даже не попытался его успокоить. В любви, как в бизнесе, не должно быть друзей!

– А как же Вика? Ведь ты даже не знаешь, захочет ли она остаться с тобой? – негодуя спросил Звягинцев. – Извини, Роман Александрыч, но мне кажется, что с годами ты стал чересчур самонадеянным типом.

– Это меня не смущает! – огрызнулся я.

– Возможно, последняя рюмка «Домэн дю Бюиссон» была для тебя лишней?

Он так и не смог справиться с внезапно вспыхнувшей злостью и взять себя в руки.

– Коньяк не играет здесь существенной роли, – возразил я. – Нахожусь в здравом уме. Полностью отдаю отчет своим словам и поступкам.

Звягинцев мгновенно побагровел и окинул меня гневным взглядом.

– Думаешь, я такой болван, что так легко отдам тебе Викторину? – прорычал он. – При-
знаю, у меня нет такого капитала, как у тебя. Но тем не менее...

– Но тем не менее, – резко перебил я, – ты только что предложил мне за ней приударить.

– Но ведь я не мог и подумать, что ты зайдешь так далеко. Я имел в виду незначительный флирт, и не более того.

– Не впадай в панику! – рассудительно произнес я. – Ты буквально пару минут назад признал, что Виктория – птица высокого полета. Негоже серенькому невзрачному воробью мечтать о прелестной орлице. Поверь мне, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Если ты встанешь на моем пути...

– Ну и что будет? – ухмыльнувшись, спросил я. – Твои угрозы для меня ровным счетом ничего не значат! Что такой неудачник, как ты, может мне сделать?

– Потом узнаешь!

У меня невольно возникло желание схватить Звягинцева за ворот пиджака и провести его раскрасневшейся физиономией по тарелке с овощным салатом.

– Остынь и слушай меня внимательно! – с трудом сдерживая вспышку гнева, пригрозил я. – Мне стоит позвонить директору твоего лицея, у которого ты получаешь нищенскую зарплату за преподавательскую деятельность, – и уже завтра утром тебя вышвырнут на улицу. Лучше не груби мне! Ты ведь знаешь, что у меня никогда не было друзей. Мы учились в одном университете, но ведь это меня ни к чему не обязывает. Ради достижения определенной цели я ни перед чем не остановлюсь. Надеюсь, ты меня понял, Олег Михайлович?!

Мой вопрос, который стал заключительной фразой, прозвучал особенно значительно и грозно. Звягинцев проскрипел зубами, но, отлично понимая безысходность создавшегося положения, как-то сразу осунулся и вдруг цинично улыбнулся.

– Кажется, мы изрядно выпили и оба чересчур взведены, – примирительно произнес он.

Я по-прежнему сохранял хладнокровие. Звягинцев мог тявкать, как шелудивая дворняжка, но никогда бы не осмелился укусь.

– Пожалуй, ты прав. По-моему, нам не следует спорить, – согласился я.

– Прости, кажется, начал молоть чепуху. Спиртное всегда действует на меня удручающе. Разве можно удержаться от соблазна испробовать один из лучших сортов коньяка? Я практически непьющий человек. В этом ресторане такое великолепие! Невольно начинаешь ощущать себя настоящим человеком! Я ведь еще никогда в жизни не был даже на нижней ступеньке центрального входа этой шикарной гостиницы. Я всегда любовался ею лишь со стороны и никогда не заходил внутрь. Тем более никогда не был в этом кабаке...

– Ты уже говорил. Вновь начинаешь повторяться...

– Да, да... Мне очень стыдно. К сожалению, я перешел границы дозволенного.

– С кем не бывает?

– Прости, я сам не свой... Кругом такая роскошь! Викулинька... Я ведь тоже люблю ее...

Звягинцев замолчал. Вероятно, он хотел посмотреть на мою реакцию. Я по-прежнему сохранял ледяное спокойствие.

– Я действительно ее люблю! – снова повторил он. – Иначе, зачем бы я стал потакать ее прихотям?

– Отлично тебя понимаю, но ничем помочь не могу, – заявил я твердым голосом. – Можешь не верить, но у меня самые серьезные намерения!

Он бросил на меня разящий взгляд, но тут же опустил глаза и стал похож на побитую собаку. Он снова был смешон и жалок. Не мужчина, а какая-то квашня. Я потерял к нему

всякий интерес. Я терпеть не мог слизняков и теперьшний раз убедился в том, что люди подобного рода не могут вызывать ничего, кроме презрения.

– Нам необходимо серьезно поговорить, – предложил я, не имея ни малейшего желания наблюдать за тем, как он распускает нюни.

Звягинцев постарался изобразить некое подобие улыбки, которая больше походила на оскал затравленного зверя.

– Ты хочешь обсудить вопрос, касающийся Виктории? – робко спросил он.

– Извечная проблема замкнутого треугольника, – холодно ответил я. – Кто-то всегда лишний! Один из нас должен сойти с дистанции.

– Не следовало мне приводить сюда Вику, – с сожалением в голосе проговорил он.

– Что сделано, то сделано. Не нужно себя корить, рано или поздно, она все равно тебя покинула бы.

– Ты, как всегда, прав! Мне сложно что-либо возразить. Днем раньше, днем позже, какая, в сущности, разница?

– Познакомив меня с Викторией, ты, Олег Михалыч, тем самым оказал мне неоценимую услугу, – вынимая чековую книжку из внутреннего кармана пиджака, сказал я. – Ты свел меня с женщиной моей мечты. Будет несправедливо, если останешься у разбитого корыта. Я готов выплатить тебе компенсацию. Возместить моральный ущерб и прочее...

Звягинцев не ожидал такого поворота событий. Он открыл рот и недоуменно посмотрел на меня, боясь упустить смысл моего предложения.

– Ублажая Викторию, ты, вероятно, изрядно потратился. Позволь мне подправить твоё пошатнувшееся финансовое положение. Для меня это сущий пустяк, а для тебя значительная поддержка. Как бы там ни было, но ведь теперь я твой должник.

– Неужели все настолько серьезно? – поинтересовался он. – Ты готов выписать чек?

– Да, – не задумываясь, ответил я. – В самое ближайшее время Виктория станет моей женой!

– Ты когда последний раз смотрел на себя в зеркало? – с откровенной неприязнью спросил он. – Неужели ты думаешь, что у тебя есть хоть какой-то шанс?

– У меня незавидная внешность, – проглотив горечь обиды, согласился я. – И все ж таки, я не такой ужасный урод, как Квазимодо. Пусть я действительно не красив, но зато достаточно удачлив и богат. В отличие от тебя я не стал заниматься педагогикой и достиг высоких вершин в коммерческой деятельности. Более того, я стал самой настоящей акулой крупного бизнеса. Нельзя отрицать тот факт, что Виктория восхитительная очаровашка, но сравнительно бедная провинциалка. Дополняя друг друга, разве мы не можем стать великолепной супружеской парой?

Звягинцев многозначительно пожал плечами.

– Тебе не кажется, Роман Александрович, что мы делим шкуру неубитого медведя? Может, будет благоразумнее сначала поинтересоваться ее мнением?

В его глазах промелькнул луч надежды.

– Не стоит попусту терять время, – сухо возразил я. – К чему вся эта канитель? Ты напрасно на что-то надеешься, Михалыч... Все женщины весьма предсказуемы! Даже самые неприступные представительницы прекраснейшей половины человечества сначала бросают беглый взгляд на количество кредитных карточек, находящихся в портмоне мужчины, и лишь затем начинают смотреть на него умиленным оценивающим взглядом. Нет смысла вдаваться в философские размышления. Нам следует закончить этот неприятный разговор, пока не вернулась Виктория. Назови сумму, которую ты израсходовал, потакая ее капризам! – жестко потребовал я.

Звягинцев снова посмотрел мне в глаза. Я предчувствовал, что он скажет какую-то гадость.

– Ее самолет прибыл вчера вечером, – ухмыляясь, произнес он. – Тебя не интересует, чем мы занимались этой ночью?

– Мне не нужны подробности ваших отношений! – дерзко ответил я. – Что бы там ни было, Виктория останется со мной. И давай закончим на этом. Постарайся трезво оценить сложившуюся ситуацию. Между вами все кончено!

Звягинцев подцепил вилкой кусочек осетрины, но тут же положил ее обратно в тарелку.

– А вообще-то мы даже не целовались, – дрогнувшим голосом признался он. – Вернее, она непринужденно чмокнула меня в аэропорту. Слегка прикоснулась губами к моей щеке, словно поцеловала гипсовую статую.

– Тем более, – констатировал я. – Назови цену, и мы расстанемся друзьями.

– Но ведь у тебя нет друзей, – съязвил он.

– Верно, – согласился я. – Тогда хотя бы сохраним все лучшее, что когда-то было между нами. Итак, я тебя внимательно слушаю.

Звягинцев небрежно запустил пятерню в изрядно поредевшие волосы, потом почесал наморщенный лоб и стал говорить с тяжелым вздохом, словно делал это наперекор желанию и взбунтовавшейся совести.

– Я купил ей платье... Губную помаду, туфли...

– Достаточно! – махнув рукой, произнес я. – Меня не интересует подобная чепуха. Если тебя не остановить, то начнешь перечислять наличие нижнего белья. Мне безразлично, по какой цене и какого цвета ты купил ей бикини, и уж тем более не интересует, какие стринги из всех четырех разновидностей ты преподнес ей в подарок. Если бы ты подарил ей бело-голубое льняное платье Джуди Гарланд, которое было продано в Лондоне за 324 тысячи 188 долларов, тогда у меня были бы все основания призадуматься. Назови общую сумму твоих расходов!

Звягинцев еще сильнее наморщил лоб.

– До ее приезда на моем счету в банке было немногим более сорока тысяч рублей. Теперь осталось меньше пяти... Возможно, мне пришлось истратить на Вику тысячу зелененьких... – подытожив, пробурчал он.

– Вот и прекрасно! Выпишу тебе чек на тысячу долларов.

Я решительно снял колпачок с моего «паркера».

– Две тысячи! – потребовал Звягинцев. – Ты выпишешь чек на два куска!

Его наглость превзошла все мои ожидания, но я не стал с ним спорить. Я помнил по университету, что в любых денежных вопросах он всегда был решителен и непреклонен. Если еще в молодости он умудрялся вырвать лишнюю копейку, то почему же теперь он должен поступать иначе? Маленький шелудивый щенок со временем превратился в озлобленного пса, готового в любую минуту за жирный кусок мяса вцепиться в глотку!

– Хорошо, – согласился я. – Получишь пару штук, но чтобы через четверть часа тебя здесь не было!

– Можешь не сомневаться, – запальчиво произнес Звягинцев, – я растворюсь, как сахар в стакане. Две тысячи долларов! Твои бабки мне когда-нибудь пригодятся. Я найду им достойное применение.

– Делай с ними что хочешь, – отмахнулся я.

Он поспешно убрал чек, потом совершенно трезвым взглядом посмотрел на меня. Если бы я не видел, сколько он употребил коньяку, то мог бы решить, что мой бывший однокурсник вообще не прикасался к спиртному. Догадавшись, о чем он хочет меня спросить, я незамедлительно произнес:

– Тебе не нужно ей ничего объяснять. Предоставь это мне. Если учесть, что вся наша жизнь – сплошной спектакль, то ты должен незаметно удалиться со сцены. Постарайся сделать так, чтобы Вика ничего не заподозрила о нашей сделке.

– Может, будет более благоразумно, если я сошлюсь на коньяк? Скажу, что слишком много выпил и у меня кружится голова. Не могу же я молча встать и уйти не попрощавшись.

Мне пришлось согласиться с его доводами.

– Поступай как считаешь нужным, но чтобы в ближайшее время мы с Викторией остались наедине! – предупредил я.

– Да, да... Разумеется, я оставлю вас одних, – пробурчал он и тут же напомнил: – Насчет твоих денег... Можешь не сомневаться, я сумею потратить их самым наилучшим образом. Я найду им достойное применение!

В его голосе проскользнула угроза, но я не обратил на это особого внимания, потому что Виктория уже возвращалась к нашему столику. Окинув ее беглым взглядом, я окончательно пришел к выводу, что она и в самом деле была грациозной женщиной, словно сошедшей с полотна Тициана, излучающей свет, тепло и чувственность.

Мы оба встали. Я деликатно пододвинул ей кресло.

– Надеюсь, джентльмены, вы без меня не скуцали? – приятно улыбнувшись, поинтересовалась она.

– Нет, Викуличка, – сказал Звягинцев, – мы были заняты приятной дружеской беседой. Я давно не видел Романа Александровича и сожалею, что раньше не замечал его достоинств. Оказывается, он весьма интересный человек!

– Я тоже успела это заметить, – проворковала Виктория. – Особенно захватывающе Роман Александрович рассказывает о торговой отрасли. Чувствуется, что он достаточно хорошо разбирается в данном вопросе.

– Это всего лишь издержки моей профессии, – улыбнувшись ей в ответ, сказал я и тут же добавил: – Мое предложение навестить торговые точки Мурманска остается в силе. Мы обязательно зайдем к ювелиру, и я покажу вам бесподобные украшения. Надеюсь, вы не будете возражать, если я осмелюсь преподнести вам небольшой подарок? Какое-нибудь бриллиантовое кольцо...

– Мне? – изумилась Виктория.

– Да.

– Вы не шутите?

– Ничуть. Мне будет приятно, если, вернувшись в Вологодскую область, у вас на память о нашем городе останутся незабываемые воспоминания. Надеюсь, вы завтра свободны?

– Если Олежек не будет против моего отсутствия, то я с удовольствием провела бы с вами какое-то время.

– Мы уже обо всем договорились, – заверил я. – Олег Михалыч согласен с моим предложением. Тем более что он завтра весь день занят. Нельзя обижаться на человека только за то, что он стремится получить звание заслуженного учителя России. У него совершенно нет свободного времени. Завтра Олегу Михайловичу необходимо подготовиться к лекции по высшей математике.

– Да, мне с утра нужно быть в лицее, – сквозь зубы процедил Звягинцев.

Посмотрев на сияющее лицо Виктории, он, наверное, мысленно согласился с тем, что все женщины предсказуемы. Надеюсь, в эту минуту он наконец-то понял, что я не зря выписал ему чек на две тысячи долларов.

3

Наверное, когда Звягинцев выходил из ресторана, мне следовало бы отбросить амбиции и посмотреть на Викторию иным взглядом. Она лишь ради приличия позволила Олегу Михайловичу поцеловать ей руку и как ни в чем не бывало продолжила нашу беседу. Однако в тот момент внезапно вспыхнувшая любовь застилала мне глаза. Я был ею околдован и не замечал ничего происходящего. Уже тогда я должен был обратить внимание на то обстоятельство, с какой легкостью она поменяла одного мужчину на другого. Не исключено, что между ними не было ничего серьезного и их дружеские отношения не требовали особой деликатности, но сам факт, что она пришла в ресторан с одним кавалером и тут же легкомысленно осталась с другим, должен был натолкнуть меня на серьезные размышления. Остаться практически с малознакомым человеком, это ли не откровенная беспечность, которая была не в ее пользу? Мне уже тогда нужно было как следует задуматься об ее поступке и поразмыслить над вопросом: не стану ли я следующим, кого она покинет с такой же легкостью? Разумеется, задним числом я стал гораздо умнее, но, к сожалению, моя необузданная самоуверенность взяла верх над моим разумом.

– Роман Александрович, – сказала она, пригубив красного вина, – по-моему, даже очень хорошо, что Олежек нас покинул. Своим хмурым видом он мог испортить нам такой замечательный вечер!

– Звягинцев немного скучноватый, но его можно понять, – простодушно ответил я. – Он не привык посещать такие дорогостоящие заведения. Здесь он чувствовал себя не наилучшим образом. Мелкая рыбешка в пасти кашалота!

– Олежек невезучий человек и никогда не сможет добиться значительных успехов.

– У меня сложилось о нем точно такое же мнение.

– Я ему искренне сочувствую.

– Я тоже.

– Надеюсь, он доберется домой без приключений.

– Я уже распорядился. Степаныч отвезет его до подъезда.

– Это ваш личный водитель?

– Работает в моей фирме около десяти лет.

– Мужчина преклонного возраста?

– Почему вы так решили?

– Вы назвали его по отчеству.

– Все верно! Ему шестьдесят лет. Заслуженный пенсионер. Очень ответственный, исполнительный работник, без лишних амбиций. Он вполне меня устраивает. Главное – умеет держать язык за зубами. Никогда не лезет в чужие дела и не говорит ничего лишнего.

Виктория вскинула брови.

– Если не секрет, какой у вас автомобиль? – поинтересовалась она.

– Было три подержанных иномарки, но две из них уже продал. Хочу избавиться от третьей и приобрести что-нибудь более комфортабельное и современное. В данный момент Степаныч возит меня на «Кадиллаке».

– Это такая большая черная машина? – спросила она.

– Большая, но не черная. Я не люблю темные тона.

– И вам не жалко ее продавать?

– Устаревшая модель. Нельзя топтаться на одном месте. Необходимо идти в ногу со временем.

– Всю жизнь мечтала прокатиться на лимузине.

– Никаких проблем! – запальчиво произнес я. – Сегодня ваша мечта обязательно осуществится.

Виктория снова пригубила вина.

– Олежек живет один, – зачем-то сказала она и тут же добавила: – У него нет ни жены, ни любовницы, ни подруги...

– Вообще-то, если быть до конца откровенным, он и в юности был настоящим отшельником. Иногда пытался распушить хвост, но, кроме унижительных насмешек, ничего серьезного из этого не получалось.

– Ну и шут с ним! – подытожила Виктория. – Он не стоит того, чтобы мы заостряли на нем внимание.

Она подняла фужер с шампанским.

– За тебя, Роман Александрович! – мило улыбнувшись, сказала Вика. – Мне нравятся такие мужественные, волевые мужчины, как ты.

– Если мы плавно переходим на «ты», наверное, стоит исключить излишнюю вежливость и разговаривать друг с другом просто по имени, – предложил я и поспешно поднял рюмку коньяку.

– С превеликим удовольствием, Ромочка! – воскликнула Виктория. – Я сегодня самая счастливая женщина! Ты подарил мне такой чудный, незабываемый, великолепный вечер...

Она внезапно поставила фужер на стол и весело прошептала:

– За твоё здоровье необходимо выпить что-нибудь более крепкое.

– Может, коньячку? – предложил я. – В крайнем случае, можно заказать виски. Но все-таки «Домэн дю Бюиссон» – наиболее благородный напиток.

– Ну, разумеется, Ромочка. Я с удовольствием пригублю глоточек коньяку.

Она прищурила глазки и хитро посмотрела на меня.

– Но имей в виду, коварный обольститель слабых женщин, я выпью совсем чуть-чуть. Не надейся, что я запьянею. Ведь у вас, у мужчин, всегда одно на уме. Вы такие предсказуемые...

Я улынулся ей в ответ, успев за какое-то мгновение раздеть ее глазами и представить обнаженной в моей постели.

– Ты меня не слушаешь, Ромочка! – подметила Виктория, самопроизвольно вернув меня в реальную действительность.

– Не следует всех мужчин измерять по единой мерке! – с укором произнес я. – Сколько людей, столько характеров и столько же мнений.

– Но мысли у всех одни и те же.

Она вновь прищурила глазки.

– Но раз ты в этом уверена, то могу признаться, что с удовольствием бы попробовал на вкус тот коньяк, который останется на твоих пухленьких губках, – почти продекламировал я, поставив на стол опустевшую рюмку.

– И после этого ты будешь утверждать, что я не права? Ах, Ромочка, какой ты все же таки шалунишка! Ну, так и быть, я, наверное, предоставлю тебе такую возможность. Ты мне нравишься. У тебя еще будет время прикоснуться к моим губам, но пока предлагаю потанцевать. Мне хочется кружиться. Порхать, словно мотылек. Благодаря тебе я сегодня сама не своя от счастья! Идем же, дай мне руку! Такая великолепная музыка. Она звучит только для нас с тобой. Для меня и для тебя. Этот танец я буду помнить всю жизнь. Ну, идем же, коварный обольститель...

Я поднялся из-за стола и почти сразу угодил в какой-то иной, волшебный мир, где не было никого, кроме меня и Виктории.

– Как здесь восхитительно! – слышал я сквозь мелодию танцевальной музыки. – Ты буквально сводишь меня с ума! Прекрасно танцуешь... Почему же не пригласил меня раньше?

О чем ты прошептал? Ты не мог мною налюбоваться? Ах, Ромка, какой же ты настойчивый... Пожалуйста, обними меня покрепче! Я хочу почувствовать, как бьется твое сердце...

Я прижался к ее тугой груди, и мне показалось, что от сказочного блаженства оказался на седьмом небе. Я почти лишился рассудка и стал целовать ее щеки и шейку.

– Ах, Ромчик, ты начинаешь вести себя как нехороший мальчик, – шептала она, не пытаясь воспротивиться моим ласкам.

Теперь я при всем желании не смогу вспомнить, до какого часа мы были в ресторане, но точно знаю, что вышли на улицу перед самым рассветом. Хотя, что значит перед рассветом? В летний период года над Мурманском круглые сутки светит солнце. Оно не покидает небосвод и, как правило, по ночам светит гораздо ярче, чем днем. Во всяком случае, было уже слишком поздно или же, наоборот, чересчур рано, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Так или иначе, Степаныч уже потерял всякую надежду дожидаться моего возвращения. Несчастный! У него наверняка затекли ноги, пока он безвылазно сидел за рулем «Кадиллака». Увидев меня в сопровождении Виктории, он, кажется, перестал на меня дуться. Невзирая на разницу в возрасте, Степаныч тоже был мужчиной и прекрасно понимал, что и хорошо обеспеченные люди имеют право на некоторые слабости.

– Куда прикажете ехать, Роман Александрович? – услужливо спросил он, когда мы с Викторией удобно разместились на заднем сиденье лимузина.

Я боялся, что Вика попросит отвезти ее к Звягинцеву, но мои опасения были напрасны. Теперь она действительно позабыла о его существовании.

– Твой водитель интересуется, куда мы поедем, милый... – промурлыкала она, прижимая мою голову к своей упругой груди.

– Куда угодно, Степаныч, только подальше от городского шума и прочей суеты, – распорядился я, задыхаясь от избытка аромата ее духов.

– Я хочу прокатиться по окраине города! – бойко воскликнула Виктория. – Туда, где много простора и огромное количество свежего воздуха!

Она оторвала меня от груди и крепко обвила за шею. Наши губы наконец-то слились в едином жарком поцелуе.

4

Я не знаю, какая шальная муха меня укусила, но уже на следующей неделе мною было официально объявлено о нашей помолвке. Все центральные газеты Кольского полуострова пестрели броскими вывесками. Почти на каждой странице красовались наши портреты. Повсюду были громкие заголовки: «Разбито сердце самого непокорного мужчины», «Она очаровала его с первого взгляда», «Будущая чета господин и госпожа Белозеровы приглашают друзей»...

Я действовал быстро, четко и слаженно, словно боялся упустить Викторию. Мне не терпелось назвать ее своей законной женой. Я держал под контролем работу консультанта по свадебным торжествам, постоянно выказывая неудовольствие его медлительностью. Чековая книжка таяла у меня на глазах, как снежинка на горячей ладони. Я только успевал перелистывать страницы, выписывая очередной чек на те или иные расходы. Мне хотелось показать Вике, что она выходит замуж за человека, крепко стоящего на ногах и имеющего весьма солидный годовой капитал. Ради того, чтобы окончательно поразить ее безграничной щедростью, я даже принял участие в выборе подвенечного платья, на которое ушла довольно-таки приличная сумма. Помимо свадебного наряда, мне пришлось приобрести все необходимые к нему аксессуары. Цветочные украшения свадебной церемонии, аренда ковровой дорожки перед входом в Свято-Никольский кафедральный собор тоже влились в кругленькую сумму. Как само собой разумеющееся, я был вынужден оплатить не только церковные расходы, но и вознаградить офицеров дорожно-постовой службы, которые любезно согласились сопровождать свадебный кортеж. Естественно, я уже не беру во внимание те расходы, которые пошли на свадебные фотографии и видеозапись свадебного торжества. Другими словами, если учесть, что отец Виктории был тяжелобольным семидесятилетним стариком и уже не мог оказать посильную финансовую помощь, то можно с уверенностью сказать, что мой бюджет трещал по всем швам. Но справедливости ради должен признать: когда я стоял рядом с Викторией перед алтарем, то был самым гордым человеком и был уверен, что все присутствующие на свадебной церемонии мне ужасно завидовали. Да, я изрядно потратился, но ни на секунду не сомневался в том, что Виктория была достойна гораздо большего внимания.

– Милый, – прошептала она в конце нашего бракосочетания, – мне даже не верится, что я теперь госпожа Белозерова...

– Ты самая удивительная и восхитительная женщина! – не без гордости ответил я.

– Сегодня мой самый счастливый день!

– Теперь у тебя этих дней будет бесконечное множество.

– Ты обещаешь?

– Да, обещаю! – твердо ответил я.

На ее лучезарном личике вспыхнул яркий алый румянец.

– Я даже не знаю, за какие заслуги наш Господь наградил меня таким счастьем! – снова прошептала Вика. – Я не знаю, чем отплатить тебе за трепетный восторг, который сейчас переполняет мою душу.

– Твоя любовь – это ли не лучшая награда за все, что я для тебя сделал? – высокопарно сказал я.

Виктория заглянула мне в глаза.

– У меня к тебе осталась единственная просьба, – проворковала она. – Надеюсь, ты сможешь ее выполнить?

– Солнышко мое, сейчас не самое подходящее время. Оглянись. Кругом так много людей, и они все смотрят на нас. Но, впрочем, я тебя внимательно слушаю...

– Мой папа... Он очень болен и теперь совсем одинок...

– Можешь не беспокоиться. Этот вопрос уже решен. Через три дня мы отправляемся в свадебное путешествие через Москву во Флориду. Но перед этим утренним рейсом вылетаем в Вологду. Уже завтра в полдень ты сможешь представить меня своему отцу.

– Это правда?

– Я заранее заказал билеты. Это еще один сюрприз.

Я почувствовал, как сильно она сжала мою руку.

– Я люблю тебя, Ромчик! – пролепетала Виктория, одарив меня сияющей улыбкой.

– Я тоже люблю тебя, – ответил я.

Разве я мог тогда предположить, что уже совсем скоро она будет увлечена другим мужчиной. Да и разве можно меня за это осуждать? Окрыленный пьянящей любовью, я не замечал ничего, кроме ее лучезарных зеленых глаз. Одновременно с ее мягким голосом я мог слышать лишь льстивые обрывки фраз, нескончаемым потоком несущиеся со всех сторон:

– Ах, какая чудесная пара! Их ждет прекрасная семейная жизнь! Неудивительно, что такая красавица свела его с ума! Она сущий ангел!..

Наверное, даже не стоит говорить о том, что наша брачная ночь уже давно потеряла основное предназначение. Впервые мы занимались любовью в то утро, когда я поцеловал Викторию на заднем сиденье моего лимузина.

Это произошло на рассвете, когда мы вышли из ресторана гостиницы «Арктика» и отправились на загородную прогулку.

Бедный Степаныч! Он наверняка продрог до мозга костей, прогуливаясь по Ленинградке возле Большого Питьевого озера, пока мы с Викторией усиленно пытались решить вопрос о продлении человеческого рода. Разумеется, после тяжелого изнурительного дня нашей свадьбы я чуть живой добрался до постели. Могу только предположить, что обо мне подумала Вика. Всю эту ночь я спал как убитый. Увы, но по стечению неблагоприятных обстоятельств наша брачная ночь не была такой бурной и запоминающейся, каковой она является для большинства молодоженов. Впрочем, насчет запоминающейся брачной ночи, вероятно, явный перебор. Вика наверняка оставила в памяти хоть и самые грустные, но незабываемые воспоминания. Поднявшись ранним утром, я решил сгладить вину. До выезда в аэропорт у нас было еще около трех часов. Для молодой супружеской пары это уйма времени!

– У нас впереди длинная изнурительная дорога, моя милая... – нежным голосом произнес я. – Неужели ты не позволишь мне в такое замечательное утро испытать всю прелесть истинного наслаждения?

– Отстань, Ромка! – непривычно холодно произнесла Виктория. – Я всю ночь пыталась тебя растолкать – и все понапрасну. Теперь, пожалуйста, оставь меня в покое. Позволь мне еще немного поспать.

Мои последующие попытки склонить ее к любовным играм поначалу так ни к чему и не привели. Она не на шутку разозлилась и, отвернувшись от меня, долго и нудно о чем-то бурчала. Мы даже не заметили, что сделали первый шаг навстречу к расколу нашего брачного союза. Но разве тогда я мог думать обо всей серьезности сложившейся ситуации? Вместо того чтобы сразу поставить ее на место и дать понять, кто в доме хозяин, я все перевел в шутку. Более того, допустил непростительную глупость. Я попросил у нее прощения! Мне было искренне стыдно за несостоявшуюся брачную ночь. Я непреднамеренно позволил ей понять, что мною можно манипулировать. К сожалению, такая сообразительная женщина, как Виктория, сразу выявила мою слабость и тут же постаралась ею воспользоваться.

– Ты несносный мальчик, Ромка! Ты меня обидел. Я мучилась и страдала всю ночь, – говорила она с нескрываемым укором. – Я не могла понять, что произошло? Мне кажется, нам не нужно было заниматься любовными утехами задолго до свадьбы. Теперь я перестала тебя интересоваться как женщина! Ты уже снял самые вкусные сливки...

Я всячески пытался успокоить Вику, но мне так и не удалось ее переубедить.

– Ромчик, я сама во всем виновата! Мне не на кого обижаться. Ты всего лишь мужчина, который вдоволь мною насытился. Теперь я тебе не нужна.

– Нет, это неправда! – воспротивился я, обнимая ее за талию и насильно целуя в губы. – Вчера вечером я слишком сильно устал. Немного расслабился...

– Нет, Ромчик, это все пустые слова.

Вика высвободилась из моих объятий.

– Я не такая наивная и бестолковая, чтобы не могла понять... Ты меня больше не любишь.

– Несусветная глупость! Я полюбил тебя с той самой минуты, когда впервые увидел в фойе ресторана. Теперь я люблю тебя еще сильнее. Ты моя радость, мое счастье, моя жизнь!

– Не пытайся меня обмануть, Ромчик! – взмолилась она. – Прошу тебя... Прекрати меня обнимать. Мне не нужны твои лживые ласки.

– Но ведь я безумно люблю тебя, моя прелесть! – чувствуя, что начинаю заводиться, возразил я. – Мне никто, кроме тебя, не нужен.

– Но и я тебе тоже не нужна.

Я мельком взглянул на часы. До прихода моего управляющего оставалось почти сорок минут. Я знал, что по истечении этого времени он аккуратно постучит в дверь спальни, а когда получит разрешение войти, встанет возле порога и, переминаясь с ноги на ногу, объявит своим хрипучим прокурненным голосом:

– Все готово, Роман Александрович! Ваш автомобиль стоит возле парадного подъезда. Степаныч уложил вещи в багажник и ожидает дальнейших указаний.

Потом он поднимет глаза и, посмотрев на Викторию, невозмутимо произнесет все тем же хриплым прокурненным голосом:

– Доброе утро, госпожа Белозерова!

«Впрочем, такое высказывание выглядело бы чересчур вульгарным, – подумал я. – Скорее всего, он обратится к ней по имени и отчеству».

Я бросил беглый взгляд на часы и вновь подумал о том, что еще уйма времени для того, чтобы можно было успокоить Викторию и постараться доказать ей свою любовь. Ну что же, если слова не смогли повлиять на нее должным образом, то мне больше ничего не оставалось, как перейти к решительным действиям.

– Не надо, Ромчик! Не надо... – успела произнести Вика до того момента, как мои губы впились в ее пухленькие губки.

– Не надо, Ромчик... – снова услышал я.

В этот раз ее голос уже был менее резким и не таким властным, как прежде. Буквально через секунду, когда мы, как две змеи, занимающиеся любовной игрой, сплелись в единый клубок, я уже начал слышать приятные моему сердцу слова:

– Я люблю тебя! – шептала она, нещадно раздирая мою спину острыми ноготками. – Ну, какой же ты все-таки шалунишка...

5

Я бы не сказал, что семидесятилетний отец Виктории действительно находился на грани между жизнью и смертью. С первых минут нашего знакомства у меня сложилось о нем особое мнение, которое явно противоречило ранним заверениям моей супруги. Я редко ошибаюсь в людях, твердо уверен, что и в этот раз мои наблюдения попали в самую точку. Скорее всего, он не столько страдал от неизлечимой болезни, насколько прикидывался таковым, преднамеренно изображая из себя тяжелобольного немощного старика. Я не знаю, зачем ему это было нужно, во всяком случае, ему не удалось обвести меня вокруг пальца. Я сразу раскусил притворщика. Если он и впрямь по-настоящему страдал, то лишь от воспаления хитрости. Так или иначе, но он все же таки сумел вызвать у собственной дочери чувство жалости и принудить Викторию относиться к нему с должным состраданием. Однако при всем моем недоверии к его неадекватному поведению, вынужден констатировать тот факт, что за непродолжительное время нашего присутствия на его частной ферме постоянно видел этого маразматика в кресле-каталке. Казалось, старик прирос к этому креслу и уже попросту не хотел с ним расставаться, но я чувствовал, что всегда и во всем у него был какой-то скрытый подвох. Заметив на моем лице откровенную иронию по поводу его пошатнувшегося здоровья, Виктория попыталась убедить меня в том, что он действительно плохо себя чувствует и в придачу к постоянной физической боли, которую вынужден мужественно преодолевать, все чаще страдает от потери памяти, вызванной симптомами старческого склероза. На что я только улыбнулся ей в ответ, оставаясь при своем мнении.

– Он иногда пытается ходить самостоятельно, – сказала мне Вика. – Ему с трудом удается сделать несколько шагов, потом обязательно нужна чья-то посторонняя помощь. Передвигаясь в собственном доме, он не признает костыли и в большинстве случаев пользуется стульями. С ними легче сохранять равновесие.

Если насчет равновесия не было смысла спорить, то вот насчет посторонней помощи Виктории следовало бы хорошенько подумать. Мне было вполне достаточно мельком взглянуть на его служанку, как я сразу заподозрил старого прохвоста в некоторой дерзкой непристойности, свойственной лишь молодому поколению и целиком оправданной по отношению к безусому юнцу, всеми доступными средствами пытающемуся вскружить голову юной особе. Во всяком случае, отец Виктории не был настолько глуп, если выбрал себе в прислуги симпатичную девушку, которая была ненамного младше его собственной дочери. Как и у моей жены, пусть наивной, но все-таки прекрасной и очаровательной красавицы, у нее были такие же длинные стройные ножки и такая же точеная фигурка. Неудивительно, что большую часть времени лукавый старикашка проводил в ее компании. Не зря он предпочитал прогулки на инвалидном кресле, сделанном по спецзаказу и в самом основании оборудованном маленькими колесиками. При желании он мог перемещаться по ровной поверхности с помощью аккумуляторной батареи или пары рычагов, приводивших эти колесики в движение. Однако этот хитрец предпочитал, чтобы рядом с ним постоянно находилась его служанка. Как я уже успел заметить, Светлана была не только провинциальной красавицей, но и весьма сообразительной расторопной девушкой. Она была словоохотлива и общительна. На частной ферме моего тестя она выполняла сразу несколько обязанностей и, по словам Виктории, прекрасно со всем управлялась. Светлана помогала старику одеться, когда он, проснувшись рано утром, начинал трезвонить в колокольчик, и помогала ему раздеться, когда он вновь укладывался в постель. Отец Виктории, с молодости занимающийся разведением крупного рогатого скота, был не приучен к светской жизни. Ему больше нравилось, когда Светлана приносила ему завтрак, обед или ужин на серебряном подносе куда-нибудь в тень раскидистых деревьев. Она также исполняла роль парикмахера. Каждое утро аккуратно выбривала ему лицо и раз в неделю подправляла седые

редкие волосы. От чересчур болтливой кухарки я случайно узнал, что мой тесть выплачивал Светлане солидное вознаграждение. Остальная прислуга могла лишь догадываться о точном количестве купюр. Старый прохвост выдавал ей деньги в конверте. Светланка, хоть и была молоденькой и слегка ветреной девушкой, но умела хранить коммерческую тайну финансовых взаимоотношений, тем более что это было в ее интересах. Именно в такой момент я застал их среди аллеи цветущего парка, когда решил самостоятельно осмотреть некоторые местные достопримечательности. Услышав чьи-то голоса, я вышел на большую лужайку, совершенно случайно оказавшись чуть позади этой великолепной парочки, соединяющей воедино юную прелесть и старческую мудрость. Я шел почти бесшумно, ступая по густой траве, как по мягкому ковру, и, разумеется, стал невольным свидетелем их делового разговора.

– Светочка, детка, вот тебе жалованье за неделю! – сказал этот притворщик, передавая ей запечатанный конверт. – Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из прислуги пронюхал об этой сумме.

Я сразу обратил внимание, что для больного старика его голос был слишком твердым. Ослабевшая рука уже не напоминала тонкий длинный камыш, дрожащий на озере, подернутом рябью при легком дуновении ветерка.

– Я помню, Иван Васильевич... – ответила Светлана, поспешно убирая конверт в боковой карман накрахмаленного белого фартучка. – Спасибо, Иван Васильевич! Не беспокойтесь, я вас не подведу.

Старик откинулся на спинку кресла-каталки и самодовольно пробормотал:

– Ты умница, Светочка! Я доволен тем, как ты справляешься со своими обязанностями. Надеюсь, на ближайшее время тебе хватает этих денег?

– Еще раз большое спасибо, Иван Васильевич! – заискивающе ответила она. – Мне нравится у вас работать. Вы такой щедрый, добрый человек...

– Какая щедрость? – отмахнулся старик. – Я в преклонном возрасте. Мне ни к чему трястись над богатством, которое все равно падет прахом.

По-прежнему оставаясь незамеченным, я обратил внимание, с каким обоготворением он произносил эти слова. Старик был очень доволен ее похвалой.

– Но, Иван Васильевич, ведь у вас есть родная дочь. Она ваша законная наследница.

Старик встрепенулся.

– Виктория? – зачем-то спросил он. – Ну, конечно же... Может, она и хорошая дочь, но ни черта не смыслит в фермерском деле! Мне некому передать свой бизнес. А ведь я вложил в него всю сознательную жизнь. Мой отец и мой прадед тщетно пытались выбраться из нищеты, мечтая о процветании нашего рода. Я не оправдал их надежд. Как только умру... А я умру обязательно, потому что все мы смертные! Виктория... Эта безалаберная девчонка... Она развеет все мои деньги по ветру. Она разорит мою ферму, а стадо племенных коров, не задумываясь, пустит под нож мясника.

– Зачем вы так, Иван Васильевич? – возразила Светлана. – Ваша дочь самостоятельная и очень серьезная...

– Виктория беспутная транжирка! – перебил старик. – Она распродаст всю недвижимость.

Мне показалось, что они оба заметили мое присутствие.

– Вика скоро бросит меня и уедет в Мурманск, – резко сменившимся обессиленным голосом продолжил он, затем немного подумал и переспросил: – Я сказал в Мурманск?

– Да, Иван Васильевич, вы упомянули этот заполярный город, – ответила Светлана.

– Но почему?

– Виктория вышла там замуж.

– Моя дочь?

– Да, Иван Васильевич!

– За кого?

– Да вот же он...

Светлана поспешно развернула кресло-каталку. Мы с моим тестем окинули друг друга неприязненным холодным взглядом.

– Я не знаю этого человека. Никогда раньше не видел и видеть не желаю! Пусть убирается ко всем чертям в преисподнюю! – раздраженно произнес он.

Старик еще что-то пробурчал себе под нос и демонстративно стал смотреть в противоположную сторону.

– Вы опять все забыли, Иван Васильевич. Ведь совсем недавно вы уже разговаривали с вашим зятем, – великодушно добавила Светлана. – Ваша дочь Виктория сразу по приезде представила вам супруга...

Она одарила меня приятной лучезарной улыбкой.

– Этого омерзительного урода? – так и не соизволив вновь повернуться ко мне, с откровенным пренебрежением произнес мой новоиспеченный родственник. – Скажи ему, чтобы не терял понапрасну время. Пусть немедленно сматывается с моей фермы! Все равно не получит от меня ни копейки...

– Вы напрасно впадаете в истерику. Мне от вас ничего не нужно! – резко ответил я.

– Тогда зачем ты сюда приперся?

– Вероятно, у моей жены обостренная ностальгия о прошлом. Она постоянно рассказывает о замечательном детстве. У нее хорошие приятные воспоминания о том времени, которое она провела на вашей ферме. Другими словами... Виктория вас повсюду разыскивает. Не знаю зачем, но она хочет вас видеть, – экспромтом выдал я, особо не задумываясь над достоверностью своего ответа.

– Моя дочь... – Он наконец-то вновь посмотрел на меня. – Разве эта беспутная блудница уже вернулась из дальних странствий? Вероятно, климат Кольского полуострова оказал на нее неблагоприятное воздействие и пришлось ей не по нраву?

– Буквально полтора часа назад у вас с ней состоялась продолжительная беседа.

– Не припомню.

Старик перевел целеустремленный взгляд на юную служанку.

– Эта чертовка действительно здесь? – бесцеремонно спросил он.

– Да, Иван Васильевич! Роман Александрович и ваша дочь Виктория сегодня утром были на вашу ферму.

– Даже так?

Он небрежно поковырял указательным пальцем в носу и грубо пробурчал:

– Этот парень мне не нравится! Передай моей разлюбленной доченьке, чтобы она вышла замуж за другого человека. Пусть найдет другую обезьяну, хотя бы чуточку симпатичнее этой гориллы.

Его голос был откровенно враждебным.

– Не обижайтесь на вашего тестя, Роман Александрович, – добродушно сказала Светлана, непосредственно обращаясь ко мне. – Иван Васильевич очень добрый отзывчивый человек, но он иногда не понимает, что говорит. Можете не сомневаться, через несколько минут он вообще забудет о вашем существовании. Смеем заверить, он не хотел вас обидеть.

– Надеюсь, вы правы... – недоверчиво ответил я, подумывая о том, что буквально на следующее утро мы с Викторией должны покинуть пределы Вологодской области.

Старик внезапно встрепенулся и тем самым нарушил ход моих мыслей.

– Оставь нас одних, Светочка! – приказным тоном произнес он.

– Как хотите, Иван Васильевич! – покорно ответила она. – Я буду гулять поблизости. Ваш колокольчик у вас на коленях. Если понадобится...

– Можешь идти домой, детка! У меня с этой образиной будет серьезный мужской разговор.

Именно в этот момент я окончательно убедился, что он находится в здравом рассудке и может контролировать свои действия. Я даже был готов ответить ему грубостью, но все же нашел в себе силы и справился с собственной вспыльчивостью.

– Я все-таки подожду, Иван Васильевич! – твердо заявила Светлана.

Она аккуратно поправила шаль, спадающую с его плеча, и неторопливой походкой пошла вдоль аллеи.

Старик вновь пренебрежительно окинул меня с ног до головы.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он с неприятной ухмылкой.

– Роман Александрович, – недружелюбно ответил я.

Мне было интересно посмотреть окончание этого спектакля.

– Ну, так вот, Роман Александрович! – рявкнул он, подавшись вперед с такой силой, что чуть не вылетел со своего кресла. – На меня можешь не рассчитывать! Я не дам тебе ни единого рубля.

– Я уже это слышал и ни на что не претендую. Не следует повторяться. У меня достаточно денег, чтобы выкупить вашу паршивую ферму со всей недвижимостью и пустить ее под бульдозер. Если захочу, то без особых усилий вырублю под корень все ваши деревья и выращу здесь колючий репейник! – желая ранить его самолюбие, пригрозил я.

Старик посмотрел на меня более приветливым взглядом.

– А ты начинаешь мне нравиться, – снисходительно произнес он. – Я не люблю слюнтяев.

– Я тоже.

– Ну и превосходно!

– Можете не надеяться, что я и дальше буду сносить ваши незаслуженные оскорбления, – подытожил я.

– Не кипятись раньше времени, подожди, пока тебя не засунут в котел и не поставят на огонь! – обрезал он. – У меня много денег! Могу сделать тебя богатым человеком, но могу и растереть в придорожную пыль. Даже могу заставить жрать навоз! Будь со мной поласковее, парень...

– Господин Белозеров! – строго сказал я. – В крайнем случае, Роман Александрович...

– Господин Белозеров? – не скрывая иронии, переспросил он.

– Или Роман Александрович! – настойчиво повторил я. – Надеюсь, не так трудно запомнить?

Он явно не ожидал от меня достойного отпора.

– Договорились, Роман Александрович, – скрипя зубами, произнес он. – Если я правильно понял, то тебе от меня ничего не нужно?

– Вы меня абсолютно правильно поняли.

– Ты женат на моей дочери...

– В любом случае не обязан перед вами пресмыкаться! – непоколебимо ответил я. – Если учесть, что вы не так больны, как прикидываетесь, то все равно вы уже старик, достигнувший маразматического возраста. Если у вас и найдется сколько-то наличных денег, то можете унести их с собой в могилу! Мы с Викторией обойдемся без ваших подачек.

– Эта чертовка еще прижмет тебе хвост, парень...

– Роман Александрович!

– Хорошо, пусть будет по-твоему, Роман Александрович. Но ты все-таки лучше держись от моей дочери подальше!

Он зло сплюнул на землю и небрежно обтер рукавом влажные губы.

– Виктория моя законная жена! – повысив голос, сказал я. – Мы даже обвенчались...

– Тем более... Вы на пару решили запустить грязные лапы в мои сбережения.

Он показал мне конфигурацию из трех пальцев.

– Ничего не получится! Мои деньги спрятаны в надежном месте. Убирайтесь отсюда, господин Белозеров! Не забудьте прихватить с собой вашу дражайшую супругу.

– Будет гораздо лучше, если вы сами скажете об этом вашей дочери, – рассудительно подметил я. – Пусть она убедится в вашей бестактности. У вас явные признаки психического расстройства.

– Думаешь, я выжил из ума?

– Считаю, что совершенно бессмысленно настаивать на продолжении нашей беседы. Не могу сказать, что мне было приятно с вами познакомиться. Всего хорошего, мой дорогой тесть! – в заключение заявил я.

Старик потряс колокольчиком. Светлана незамедлительно подошла к нему.

– Слушаю вас, Иван Васильевич! – певучим голосом произнесла она, старательно поправляя на его плечах вновь соскользнувшую шаль.

– Этот парень окончательно испортил мне настроение, – пожаловался он. – У меня от его глупых речей голова идет кругом. Нам пора возвращаться домой...

Я успел отойти не так далеко, поэтому еще мог расслышать его последние высказывания, брошенные в мой адрес.

– И все же этот наглый тип еще хлебнет горя, – констатировал старик. – Он допустил непростительную ошибку, когда решил жениться на моей милой доченьке. Поверь мне, Светочка, в самое ближайшее время она сделает этого заносчивого отвратительного субъекта красивым оленем, у которого будут большие ветвистые рога!

Я больше не желал слышать его ахиною и преднамеренно прибавил шаг. Вопрос о продолжении свадебного путешествия был решен окончательно и бесповоротно. В глубине души я был доволен тем, что мы с Викторией еще не успели распаковать наши чемоданы. Во всяком случае, мне будет гораздо приятнее до вылета во Флориду отдохнуть в столице нашей необъятной Родины, с удовольствием посещая ее достопримечательности, чем месить ногами гниющий навоз на ферме моего взбалмошного тестя.

6

Перед самым отъездом в Москву, откуда через два дня мы должны были вылететь во Флориду, Виктория еще раз попыталась переубедить меня в правильности моего решения.

– Я все понимаю, Ромчик, – взволнованно сказала она, – у моего отца скверный характер. Но мне его искренне жаль. Он ведь несчастный одинокий человек.

– У него замечательная служанка, – съязвил я. – Не удивлюсь, если в ближайшее время у тебя появится молоденькая привлекательная мачеха.

– Ты считаешь ее привлекательной? – ревниво поинтересовалась Вика.

– Почему бы и нет? У Светланы стройная фигурка, длинные ровные ножки. Она неглупая девушка. По-моему, отчетливо понимает, чего хочет...

– Откуда тебе знать, чего она хочет? Мне кажется, ты сильно преувеличиваешь, подобным образом намекая на моего отца.

– Я ничего не преувеличиваю. Констатирую неопровержимые факты. Твой папаша общается с ней с раннего утра и до позднего вечера. Ты даже не имеешь ни малейшего понятия, о чем они разговаривают все это время.

– Это ровным счетом ничего не значит!

– Возможно.

– Мой отец – убежденный холостяк. Он не такой бабник, как ты думаешь. Ранний развод с моей матерью стал для него поучительным уроком на всю оставшуюся жизнь. Что касается Светланы... Она отлично справляется с работой.

– Чересчур отлично, дорогая! – вставил я.

– Прекрати! Я не намерена обсуждать с тобой поведение какой-то служанки. Сейчас речь идет о моем отце. Он больной человек.

– Ты в этом уверена? – ухмыльнувшись, спросил я.

– Напрасно иронизируешь, – вспыхнула Виктория. – У него иногда бывают просветления, но он уже давно страдает шизофренией.

– Даже так?

– Я не шучу. Лет шесть или семь назад у нас пропал теленок. Отец вместе с односельчанами разыскивал его весь вечер и всю ночь. Он вернулся лишь на рассвете. В его взгляде была какая-то отрешенность и холодная пустота. Он не отвечал на мои расспросы. Я не могла понять, что произошло, пока наши рабочие не привезли теленка на ферму. Можешь поверить мне на слово, это было мерзкое зрелище! Теленок погиб в страшных муках. Прежде чем лишиться жизни, над этим несчастным животным жестоко издевались. На всем теле оставались следы странных и страшных ран, края которых были обожжены.

– Его обработали паяльной лампой или полуживого бросили в костер? – цинично поинтересовался я.

– Если бы все было так просто, – не заметив моей очередной ухмылки, ответила Виктория. – На протяжении всей жизни фермеры невольно привыкают к потерям некоторых животных. Природные условия, внезапные вспышки той или иной эпидемии, голодные хищники и даже случайные бродяги... Но в тот раз произошло что-то сверхъестественное...

– Неужели? – усомнился я.

– В том-то и дело! – подметила Виктория. – Отец нашел теленка совершенно обескровленным, будто кто-то заранее опустошил его вены. Наш участковый был не менее других людей поражен увиденным зрелищем. Несмотря ни на что, он все же таки догадался собрать образцы тканей из зоны многочисленных разрезов и для сравнения – образцы из неповрежденной части тела. Он поместил их в формалин и отправил для анализа в Российскую академию наук.

– Вы получили ответ?

– Еще какой! Комиссия по научному расследованию заявлений о паранормальных явлениях не признала вмешательство внеземного разума, но пришла к ошеломляющему заключению. Все раны были нанесены высокотемпературным разрезом.

– Что-то вроде лазерного луча?

– Вероятно. Это осталось неразгаданной тайной. Свернувшийся гемоглобин тельца и клеточные изменения исследуемых образцов свидетельствовали о применении остроконечного направленного огня с температурой не менее ста восьмидесяти градусов.

Виктория осторожно прикоснулась к моей руке и продолжила:

– С тех пор у моего отца появились некоторые умственные отклонения. Иногда он вдруг начинал рассказывать о каком-то ярком свечении, которое якобы нависло над мертвым тельцем, когда отец обнаружил его на дальнем пустыре. Отец утверждал, что это козни нечистой силы. В любом случае гибель этого животного заметно повредила его рассудок.

– Даже если и так, дорогая, – непреклонно ответил я. – У меня нет ни малейшего желания лишний раз встречаться с твоим папашей. Мы немедленно уезжаем отсюда. Не следует из-за него портить наше свадебное путешествие.

– Пусть будет по-твоему, милый... – уступчиво согласилась Виктория. – Надеюсь, ты позволишь мне с ним попрощаться?

Ее голос оставался ровным и мягким, но в ее взгляде вспыхнули искры гнева.

– Поступай как считаешь нужным, – сказал я, пожимая плечами. – В конце концов, он для тебя не чужой человек. Правда, я уверен, что он морочит тебе голову. Я что-то сомневаюсь...

– В чем именно?

– Вся эта история с тельцем... Она как-то не воспринимается слишком серьезно.

– Ты мне не веришь?

– Сомневаюсь в правдивости рассказов об инопланетянах и прочей подобной чепухе, которую воспринимать всерьез не только глупо, но еще и безнравственно! Твой старик попросту обвел тебя вокруг пальца.

Я внимательно проследил за ее реакцией.

– С какой целью? – насупилась Виктория. – К тому же было слишком много свидетелей. Наши рабочие, которые привезли истерзанное тело этого животного... Участковый во главе с начальником местной полиции...

– Скажи, Викуля, ты уверена, что твой отец действительно не собирается обвенчаться с юной служанкой? – бесцеремонно перебил я, не позволив Виктории закончить свою умозаключительную речь.

Меня никогда не интересовала тема паранормальных явлений, существование которых не имело неоспоримых доказательств и научных объяснений.

Виктория окинула меня негодующим взглядом.

– Не болтай ерунды! – возмущенно сказала она. – Светлана ни в коем случае не подходит на роль невесты. Она добросовестная медсестра-сиделка, и не более того.

– Медсестра, служанка, домработница... Какая, в сущности, разница? Можно назвать хоть секретаршей! – огрызнулся я.

– Ты напрасно подозреваешь эту невинную девушку...

– Не ее, а их взаимные отношения.

– Ты становишься невыносимым! – вспыхнула Виктория. – У моего отца, конечно, имеются некоторые финансовые накопления, но они настолько ничтожно малы, что ради такой нищенской суммы Светланка никогда не согласится связать с ним свою судьбу.

– Откуда ты можешь знать о сумме его доходов? – поинтересовался я. – Он разве когда-нибудь перед тобой отчитывался?

– Конечно же, он никогда этого не делал.

– Знаешь, дорогая, – повысив голос, произнес я. – Если твой отец не хронический алкоголик, то, даже не учитывая стоимость недвижимости, у него в доме на всякие непредвиденные расходы должна быть свободная наличность, эквивалентная трем миллионам долларов.

Виктория окинула меня скептическим взглядом.

– Ты спятил, Ромчик, – отрешенно пролепетала она. – Пожалуй, нам действительно нужно отсюда уезжать. Чистый воздух вологодских полей и равнин действует на тебя удручающе.

Она всплеснула руками и воскликнула:

– Надо же такое придумать? У моего отца в свободной наличности три миллиона долларов! В таком случае сколько же стоит вся его недвижимость?

– Очень много! – уверенно ответил я. – Можешь к этим трем миллионам прибавить еще не менее десяти...

– Но это же полнейший абсурд! – дрогнувшим голосом произнесла Виктория.

– Я назвал тебе самую приемлемую сумму, которая должна быть у него в заглазнике, – спокойным тоном произнес я. – Ты, вероятно, забыла, дорогая, что я преуспевающий бизнесмен. Неужели ты думаешь, что я не в состоянии произвести элементарные расчеты? Обширные земли, которым не видно ни конца ни края... Крупный рогатый скот, исчисляемый сотней голов...

– Наша ферма идет в упадок.

– Это неправда! У твоего скряги железная хватка. Он до сих пор держит всех рабочих под неусыпным контролем. Ничто не может ускользнуть от его пристального взгляда. Ему удалось собрать в свою команду хороших управляющих. Он создал из них крепкий надежный коллектив и теперь каждого работника, словно гуттаперчевую куклу, дергает за веревочки. Он может сколько угодно прикидываться больным, немощным человеком, разыгрывая из себя умирающего старика, но пока жив, в его руках остаются нити незримой власти.

– Я даже не могу допустить мысли о том, что у моего отца есть такие шальные деньги, – почти прошептала Виктория.

Ее зеленые с поволокою глаза в лучах солнечного света вспыхнули как две перламутровые бусинки.

– Неужели этот хитрец от меня что-то скрывает? – задумчиво пролепетала она. – Три миллиона долларов да еще десять... Имея такие деньги, можно было не выходить замуж...

Меня словно ударило током.

– Ты случайно не забыла о моем присутствии, дорогая? – резонно спросил я.

Виктория не обратила на меня внимания. Она была поглощена мыслями о возможном богатстве старого прохиндея. В одно мгновение ею обуяла неудержимая алчность, и я преднамеренно попробовал сменить тему разговора:

– Как только прибудем во Флориду, мы обязательно отправимся в какие-нибудь исторические города, – ненавязчиво сказал я. – Мы побываем на самой южной оконечности полуострова и полюбуемся ландшафтами национального парка...

– К черту Флориду! – вспыхнула Виктория. – Мой папаша постоянно твердит, что у нас нет ни одной лишней копейки. Если он меня бессовестно обманывает, то ему это даром не пройдет!

Ее дыхание стало учащенным, но я так и не понял, то ли от припадка необузданной алчности, то ли от вспышки гнева.

– Успокойся, дорогая... – примирительно сказал я. – Мои доводы могут быть неверными. Я ведь могу ошибаться...

– Ты никогда не ошибаешься! Ты все просчитываешь на несколько шагов вперед. Если ты утверждаешь, что у этого старого хрена должны быть большие деньги, значит, так оно и есть.

Ее слова я воспринял как комплимент, небрежно брошенный в мой адрес.

– Ладно, ладно... – отмахнулся я. – Даже если допустить, что в моих предположениях есть здравый смысл, то какая нам от этого польза? Если ты решишь с ним судиться, то вызовешь неприязнь со стороны своих земляков. К тому же твой старик довольно-таки ловко сумел убедить окружающих, что он душевнобольной человек. Если ты надеешься взять у него что-то против его воли, то у тебя ничего не получится.

– Это еще почему?

В ее голосе явно прослушивалось беспокойство.

– Очень жаль, если ты до сих пор не изучила характер этого сквалыги, – сказал я, криво улыбнувшись.

– Я сумею его обхитрить.

– Каким образом?

– Не имею ни малейшего представления.

– Вот это гораздо ближе к действительности.

– Ты меня явно недооцениваешь, – запальчиво произнесла Виктория. – Если мой отец прячет деньги в потайном чуланчике, о котором я ничего не знаю, то ему придется раскошелиться! Я сумею отхватить от жирного пирога большой лакомый кусочек!

Я вопросительно уставился на нее.

– Можешь не сомневаться, – уверенно сказала она. – Я достойная дочь своего отца и сумею обвести его вокруг пальца. Только прошу тебя, не мешай мне! Согласись, что съездить во Флориду мы всегда успеем...

Она на мгновение задумалась и почти сразу добавила:

– Наверное, ты не зря намекал о Светлане? Эта вертихвостка даром времени не теряет. Она сумеет вскружить ему голову. Три миллиона долларов! Это как раз то, что мне нужно...

Виктория под села ко мне на мягкий кожаный диван и крепко обняла за шею.

– Ах, милый, – вкрадчиво промурлыкала она, – ты у меня такая умница! Я люблю тебя, Ромчик... Ты заслужил награды. Сегодня у нас с тобой будет любвеобильная, бурная ночь.

– Разве мы сейчас не отправляемся в аэропорт? – осторожно спросил я.

– Неужели ты позволишь, чтобы твоя жена осталась бесприданницей? – в свою очередь, поинтересовалась Виктория.

Я многозначительно пожал плечами.

– Тебе нечего ответить, потому что я права! – торжественно произнесла она. – Позвони в аэропорт и сними заказ. Нет... Лучше перенеси на вечер. Мы сможем вылететь в Москву после обеда.

– Ты надеешься так быстро уговорить старого скупердя выложить тебе бабки? Да он скорее унесет их с собой в могилу, чем решит с тобой поделиться!

– Я не стану его уговаривать! Я пойду и возьму то, что мне положено по закону. Как ты думаешь, полтора миллиона долларов, которые он переведет на мой счет, будет достаточно?

– Пожалуй...

– Не разочаровывай меня, милый! Я требую четкого ответа. Меня не устраивает неопределенность. Не позднее чем через пять минут ты должен мне назвать реальную сумму, которую я могу получить.

– Я никогда не занимался фермерством, дорогая! Мои подсчеты могут быть далеки от истины.

– Тебе не нужны деньги?

– Я бы этого не сказал.

– Тогда не впадай в панику, Ромчик! Или ты все еще сомневаешься в моих способностях? Можешь быть уверен: не позже как через час мой папаша выпишет чек на любую сумму, лишь бы я оставила его в покое.

– Да, да... Разумеется, дорогая! Ничего не случится, если мы продолжим свадебное путешествие чуть позже, – пробурчал я, не заметив, как попал под каблук собственной супруги.

Я даже не удивился, когда спустя всего лишь несколько минут в руках Виктории был чек на семьсот пятьдесят тысяч рублей. Ей не удалось раскошелить его на полтора миллиона долларов, но практически та сумма, которую она получила в счет свадебного подарка, тоже чего-нибудь да стоила! Точно так же я не был удивлен, когда увидел сияющее от счастья лицо моего тестя, провожающего нас в аэропорт. Он по-прежнему сидел в кресле-каталке, но уже не прикидывался больным и немощным стариком. Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки. Я ничуть не сомневался, что его рукопожатие было искренним. Согласитесь, разве не я избавил этого зловредного старикашку от его коварной дочери?

7

Наш медовый месяц незаметно подошел к концу. За это время мы исколесили Флориду вдоль и поперек. Всякий раз, когда я просматриваю фотографии и прокручиваю видеозапись, у меня на душе скребутся кошки. Только теперь я понимаю, до какой степени мы с Викторией не ценили то, что имели. Мы побывали на Майами-Бич. Жили в лучшем отеле этого города. Посещали экзотические ночные клубы, жарились под нещадными лучами палящего солнца на обширных песчаных пляжах. Постоянно купались в водах Атлантического океана и Бискайского залива. Однако несмотря на окружающее нас великолепие, Виктория с каждым днем становилась все более капризной и несносной женщиной. Даже при всей моей неограниченной любви к ней я не мог постоянно потакать ее желаниям. Проснувшись утром, она строила грандиозные планы о посещении каких-то новых мест: то мечтала побывать во Франции, то у нее вдруг возникала новая бредовая идея, и она уже мысленно была в Испании, желая посетить всемирно известную корриду. Не знаю, чем ее привлекал бой быков. Вероятно, буйностью характера, благодаря которому она постоянно жаждала новых приключений. Она мечтала побывать в Англии только ради того, чтобы хоть раз прогуляться возле каменных стен Тауэра.

– Если бы ты сразу сказала, что хочешь объехать весь мир, то нам следовало бы изначально отправляться в кругосветное путешествие, – с укором подметил я. – Деньги не растут на деревьях, их необходимо зарабатывать кропотливым постоянным трудом. Мы изрядно потратились на свадьбу. Разве плохо отдыхаем во Флориде?

– Мне ужасно скучно! – возразила Виктория. – Мне нужен неограниченный простор.

– Невозможно объять необъятное, – словно извиняясь, проговорил я. – Мы отлично проводим время, но должны хоть немного ограничить свои желания. В скором будущем нам и так придется потуже затянуть пояски.

– Для чего? – возмутилась Вика. – У меня есть деньги моего отца. Его свадебный подарок. Зачем мне эти тысячи, если я не могу их потратить?

– Дорогая, – пытаюсь ее переубедить, сказал я, – если они тебе так мешают, то пойди и выбрось их на улицу. Я не утверждаю, что человек должен зависеть от наличия купюр в его бумажнике, но и нельзя обращаться с деньгами как с ненужным мусором. Нельзя быть чересчур расточительной. Неужели тебе не понравилось, как мы провели наш медовый месяц?

– Превосходно!

– На следующий год мы можем поехать в Испанию или в Португалию. У нас вся жизнь впереди! Мы еще успеем побывать и в Англии, и во Франции. Всему свое время...

– Ты меня не любишь, – обиделась Виктория. – Ты всегда находишь какие-то отговорки. У тебя на любое мое предложение есть сотня уважительных причин, из-за которых эти предложения становятся моей несбыточной фантазией.

Мне показалось, что это высказывание станет ее излюбленной фразой.

– Ну, зачем ты так? – отпарировал я. – Ты же знаешь, какие сильные чувства я испытываю к тебе. Ты ежедневно приобретаешь какие-то наряды, меняешь украшения и все это только ради того, чтобы каждый вечер выглядеть по-новому. Ты постоянно мечешься. Пытаешься сорваться с одного места в другое. Сбавь обороты, милая...

– Ты меня укоряешь?

– Если мы будем так безрассудно себя вести, то вскоре станем банкротами. Вот тогда-то уж точно нам придется не только потуже затянуть пояса, но и выехать из Мурманска. Представляешь, что будет, если мы переберемся жить на ферму к твоему полоумному папаше?

– Я не вижу в этом ничего плохого, – возразила Виктория. – Я провела там всю жизнь и ничуть не жалею.

– Зато теперь ты намерена одним махом обхватить вселенную!

– Ах, Ромчик, ты никак не хочешь меня понять. Я пытаюсь до тебя достучаться, но ты упорно меня не слышишь.

– По-моему, ни один здравомыслящий мужчина не позволит жене так безрассудно опустошать семейный бюджет, – проворчал я, чувствуя, что начинаю заводится.

Мои нервы, словно стальные нити, были натянуты до предела. Они могли в любой момент не выдержать нагрузки и лопнуть, как струны на смычке контрабаса. Я даже был готов ей нагрубить. И хотя мне очень не хотелось этого делать, я все ж таки понимал, что рано или поздно между нашими отношениями произойдет раскол. Мы окажемся по разные стороны огромного каньона, по которому пролегла глубокая впадина.

– Понимаю, что ты молодая и цветущая женщина, – сказал я в надежде обуздать ее неоправданные потребности, – но даже если тебе очень хочется покрасоваться в светском обществе, то ведь нельзя из этого делать культ. Ты, моя дорогая, начинаешь заикливаться! Помимо роскошных приемов, есть и другие прелести...

– Какие именно? – угрюмо спросила Виктория. – Что ты можешь предложить взамен? Смотреть телевизор, где постоянно идут отвратительные программы, или читать вечерами глупые романы, в которых пишут о сказочной и взаимной любви?

– Не знаю, – откровенно признался я. – Но так жить больше нельзя!

– А как можно? – наступала Виктория. – Ты скажи, как можно? Может, мне следовало вместо того, чтобы согласиться выйти за тебя замуж, стать монашенкой и пойти в монастырь?

– Милая, ты несправедлива по отношению ко мне...

– Я стала женой богатого человека. К тому же после смерти моего отца меня ожидает солидное наследство. Так почему я должна прозябать на одном месте?

– Даже многие, более состоятельные люди, лишь мечтают посетить те достопримечательности, где мы с тобой успели побывать. Многие из их жен не имеют понятия о существовании супермаркетов, в которых ты проводишь основную часть свободного времени. Впрочем, о чем я говорю? Уж чего-чего, а свободного времени у тебя больше чем предостаточно!

– Ты снова меня укоряешь? Ты постоянно пытаешься меня обидеть.

– Нет, просто констатирую факты.

– Ты считаешь меня беспутной женщиной?

– Я считаю тебя самой обворожительной, самой привлекательной, сексуальной и любимой женщиной! – возразил я. – Но ведь невозможно постоянно витать в облаках. Необходимо хоть изредка опускаться на нашу грешную землю.

– Даже так?

Виктория покачала головой.

– Ах, Ромчик, – жалобным голосом проговорила она, – ты не можешь или не хочешь меня понять. Да, я люблю роскошь. Люблю разнообразие...

– Долгая поездка тебя утомила. Вскоре мы вернемся в Мурманск, и ты обязательно воспрянешь духом. Этот город вылечит тебя от хандры.

– Нет, Ромчик, я там задохнусь. Это верно, что Кольский полуостров произвел на меня неизгладимое впечатление, но не более того...

– А что же ты хочешь, дорогая? Тебе трудно угодить. Ты всегда и всем недовольна.

– Я просто хочу жить и наслаждаться этой жизнью. Хочу быть по-настоящему счастливой и веселой. Хочу петь и танцевать. Хочу...

– Достаточно! – резко перебил я. – Уж лучше бы ты пошла в монашки!

– Ты опять меня обижаешь...

– Если хотела петь и танцевать, то тебе следовало пойти в варьете, а не выходить замуж!

Виктория напряглась. Ее зеленые с поволокою глаза сузились в неприятном прищуре.

– Ты не сказал мне ничего нового. Я уже неоднократно пожалела, что согласилась выйти за тебя...

– Если мне не изменяет память, ты не очень-то сопротивлялась, – съязвил я.

– Ну, вот и поговорили, – огорченно сказала Вика.

Она посмотрела на меня то ли с жалостью, то ли с укором.

– Да, поговорили, – согласился я. – Зато между нами теперь все предельно ясно.

– Я не хотела с тобой ссориться.

– Ты сама во всем виновата, тебе вечно не угодишь. Ты словно капризная, несносная девчонка! Я отлично понимаю, что в этом не твоя вина. Я чересчур тебя избаловал. С самого начала нельзя было потакать твоим прихотям.

Виктория распустила пышные каштановые волосы и расстегнула халат, выставя напоказ все прелести точеной фигурки.

– Ах, Ромчик, давай прекратим это глупое выяснение отношений, – вкрадчиво проворковала она. – Не обижайся, милый! Я, наверное, действительно слишком устала.

– От чего? – изумился я.

– Устала от постоянной суматохи и желания увидеть и приобрести что-то новое. Устала от сутолоки на улицах. От ежедневных походов на пляж. Устала от моря, от солнца... Я уже хочу тишины и покоя...

– Неужели Господь услышал мои молитвы? – улыбнулся я.

Виктория подошла ко мне вплотную и скинула халат.

– Кажется, мы не закрыли дверь гостиничного номера... – сказал я, упиваясь ароматом ее упругого тела.

– Ну и что? – засмеялась она. – Все знают, что мы молодожены. Пусть не входят без приглашения.

Я обнял ее за талию и крепко поцеловал в губы.

– Милый, – прошептала она, увлекая меня в постель, – вернувшись в Мурманск, я ведь должна буду чем-то заниматься...

– Ты опять что-то задумала? – настороженно спросил я.

– Ты будешь постоянно пропадать в офисе или объезжать с проверкой продуктовые магазины, разбросанные по всей области. Тебе придется решать глобальные проблемы, а я целыми сутками буду страдать от одиночества.

Я почувствовал, как по моей спине пробежал приятный холодок, а в груди что-то заклокотало.

– Ты хочешь, чтобы у нас был ребенок? – взволнованно спросил я.

– Ах, Ромчик, ну почему же ты такой нехороший мальчишка? Ты всегда все испортишь. Она надула губки бантиком.

– Нам еще рано заводить детей. Сначала мы должны пожить для себя. Да и вообще... Я не готова принять такое серьезное решение.

– Тогда зачем же ты ко мне подлизываешься? – осторожно поинтересовался я.

Виктория поспешно расстегнула пуговицы на моей рубашке и стала целовать мочку моего уха.

– Что ты задумала? – настойчиво переспросил я. – По-моему, тебе от меня что-то нужно?

– Хочу, чтобы ты купил мне автомобиль, – тихо пролепетала Вика.

– Что? – искренне удивился я. – Ты хочешь иметь автомашину?

– Да, милый, но давай обсудим этот вопрос чуть позже. Сейчас я хочу только тебя...

– Но, Викуля... – был готов возразить я, но тут же замолчал.

Всякий раз, когда я был с ней в постели, я не мог думать ни о чем, кроме интимных отношений, снимающих жар моей неумной страсти.

8

Вернувшись на Кольский полуостров, я уже в первые дни приезда узнал, что такое настоящий кошмар, который может преследовать женатого мужчину.

– Милая, ты сначала определись, какой автомобиль хочешь приобрести, – сказал я, глядя на Викторию усталым взглядом. – У меня рябит в глазах от тех машин, которые мы с тобой успели осмотреть. Я за всю жизнь не видел столько автомобильных салонов, сколько мне пришлось посетить в течение последних суток. Я не могу с утра и до вечера заниматься выбором автомобиля. Для меня это непозволительная роскошь.

– Ромчик, я всегда мечтала иметь автомашину, но никогда не думала, какую именно, – виновато прошептала Вика. – Прости, милый, но я сама не знаю, чего хочу. Мне нравятся все марки машин, которые мы просмотрели, и в то же время у меня не лежит душа ни к одной из них.

– Я тем более не имею ни малейшего представления об автомобиле твоей мечты.

– Но ведь ты мужчина! – возразила Виктория.

– Ну и что из того? Я никогда не интересовался подобным вопросом и даже не задавался такой целью. У меня есть Степаныч. Он профессиональный водитель и одновременно отличный автомеханик. Этого достаточно. Меня никогда не интересовала техника. Да, я бизнесмен, и довольно-таки крупного масштаба, но я на протяжении многих лет занимаюсь торговлей продуктами. Еще в юности я уяснил, что с покупкой костюма или музыкального центра можно подождать, а кушать хочется всегда.

– Какая разница, чем торговать: машинами или копчеными курами? Это одно и то же.

Я обреченно вздохнул.

– Не болтай чепухи, – возразил я. – Нельзя сравнивать заведомо несовместимые вещи и понятия. Проснувшись среди ночи, я могу с закрытыми глазами сказать, где и по какой цене можно выгоднее купить цыпленка для жарки, а где для наваристого бульона. Всего лишь по крохотному срезку свинины я безошибочно назову не только возраст, но и перечислю те ингредиенты, которые добавляли в корм этому животному.

Я снисходительно улыбнулся, поцеловал Вику в щечку и продолжил:

– В технике я полный профан. Конечно, я могу отличить автобус от легковушки, но не по его техническим данным, а по внешнему виду. Автобус гораздо больше...

– Я хочу что-то экстравагантное. Мне нужен автомобиль века!

Я широко развел руками и невольно пробурчал:

– Вот что, дорогая, ты и впрямь вначале определись, что тебе нужно, а потом скажешь мне. На следующее утро ты увидишь этот автомобиль у парадного подъезда.

– Ромчик, но ведь это не такая простая задача. Иногда мне не нравится цвет, иногда форма...

– Глупости! Из такого количества автомобилей, которые находятся на нашем внешнем и внутреннем рынках, невозможно не подобрать что-то подходящее. Насчет цвета – вообще несусветная чушь! Стоит сделать заказ, и уже к вечеру тебе подгонят машину хоть под цвет морской волны, хоть под зарево утреннего восхода. Хоть в горошек, хоть в полосочку...

Я начал не на шутку заводится. Мои нервы опять были напряжены до предела. Более того, у меня все чаще стала проскакивать мысль о моих взаимоотношениях с Викторией. Иногда я даже задумывался о расторжении нашего брачного союза. Постоянные капризы этой женщины доводили меня до нервного срыва. Точно так же, как и во Флориде, нас связывала натянутая тонкая ниточка, которая в любой момент могла оборваться.

– Возможно, я не права и доставляю тебе лишние хлопоты, – сказала Вика, явно предчувствуя, как над ее головой сгущаются грозовые тучи. – Но ведь я делаю это не специально и

уж тем более не нарочно. Я вижу, с каким трудом тебе достаются деньги, и поэтому опасаюсь их потратить впустую.

Ее голос был тусклым и в какой-то степени смущенным. Возможно, мне это лишь показалось. Виктория всегда была великолепной актрисой, а я подспудно стремился желаемое выдать за действительное.

– Пожалуй, нам не стоит ссориться, – вновь поцеловав ее в щеку, сказал я. – Но все же так считаю своим долгом вставить веское слово и навсегда покончить с нашим раздором!

Виктория вопросительно посмотрела на меня.

– Если ты всерьез хочешь иметь собственную машину, то будь добра ознакомиться с этим списком. Здесь указаны самые дорогие серийные автомобили, – твердо сказал я. – Пожалуйста, посмотри и будь добра что-либо выбрать...

Я положил на стол последние данные, полученные через Интернет. Моя секретарь специально подготовила эти документы по моей личной просьбе. Вдобавок я принес из личного кабинета кипу всевозможных рекламных газет.

– Здесь нет дешевых иномарок. Тебя же не интересуют автомобили стоимостью от трех до сорока тысяч долларов. Или я не прав? – раздраженно произнес я.

Виктория насупилась и хранила гордое молчание.

– Значит, угадал! – удовлетворенно подытожил я. – Твой дебильный папаша подарил тебе семьсот пятьдесят тысяч рублей. С той самой минуты у тебя постоянный зуд чуть ниже поясицы! Тебе не терпится их потратить. Пожалуйста, внимательнейшим образом просмотри прайс-листы самых дорогих иномарок и постарайся что-либо выбрать. Если не хватит твоих денег, я добавлю...

– Если я не смогла выбрать подходящий автомобиль в автосалоне, то вряд ли смогу разобраться в этих бумагах! – чуть не плача, произнесла Виктория.

– В таком случае позволь тебе помочь! – почти выкрикнул я. – Тебя не устраивает «Ягуар ХК» за 98 тысяч 975 долларов?! Прекрасно! Тогда почему тебе не нравится «Феррари 575М» за 225 тысяч? Эта машина тебя не достойна? «Бентли Азур» за 370 кусков тебя тоже не устраивает? Может, автомобиль тебе нужен ради мимолетного развлечения, как бриллиантовая брошь к новому платью? Не забывай, дорогая, что автомобиль – это не роскошь, а средство передвижения. Его нельзя покупать как забавную игрушку. Для езды по улицам нашего города не нужен автомобиль, способный в считанные секунды развить скорость свыше 300 км/час.

Виктория робко улыбнулась.

– Что самое интересное, – не переставал возмущаться я, – ты даже ни разу ни у одного автомобиля не попробовала запустить двигатель и послушать, как чисто и бесшумно он работает. Ты не попыталась тронуться с места...

– У меня нет водительских прав... – тихо сказала она.

Эта новость меня обескуражила.

– Что? – машинально переспросил я. – У тебя нет прав?

– Да.

– Это просто уму непостижимо! – возмутился я. – Ты родилась и выросла в сельской местности. Ты с детства воспитывалась на ферме и до сих пор не научилась водить машину?

– Я прекрасно справляюсь с лошадьми, но, к сожалению, не умею управлять автомобилем, – насупившись, ответила Виктория.

Наверное, я молчал около минуты. Все мои мысли пребывали в хаотичном состоянии. Я не мог сразу сосредоточиться и сконцентрироваться на чем-то определенном.

– Разве я виновата в том, что мой отец никогда не разрешал пользоваться нашей допотопной развалюхой? – обидевшись, спросила она.

Я подошел к Вике.

– Милая, – сказал я более ласковым тоном. – Я сожалею, что отнесся к твоей просьбе неподобающим образом. Ты хочешь иметь машину? Ты ее обязательно получишь! Но давай подойдем к этому вопросу более серьезно. Тебе ни к чему иметь сверхскоростной автомобиль. Тебе не придется перевозить какие-то грузы вроде огромных коробок и всевозможных ящиков. Ведь мы живем в благоустроенном современном городе, а не на ферме твоего отца. Тебе нужна машина для поездок по городу. Тебе даже не понадобится ездить на ней по области. Даже в том случае, если ты надумаешь побывать в Кировске, чтобы в Ботаническом саду посетить ряд экскурсий в Тропическую оранжерею, или захочешь съездить в Оленегорск, чтобы послушать в Ледовом дворце оперу Бизе «Кармен», то мой водитель всегда с готовностью доставит тебя в эти города на моем лимузине. А если тебе в голову взбредет блажь махнуть в Санкт-Петербург или в ту же Вологодскую область, чтобы повидаться со своим взбалмошным стариком, то, скорее всего, ты предпочтешь воспользоваться услугами авиакомпании. Давай оба опустимся с небес на землю и посмотрим на решение этой проблемы с реальной точки зрения.

Я вновь восхищался собственным красноречием. Мне всегда нравилось кого-либо поучать, а уж читать мораль законной супруге – это доставляло двойное удовольствие.

– Учитывая, что у тебя нет навыков вождения, неразумно приобретать автомобиль за 200–300 тысяч долларов. В течение часа ты превратишь его в грудку металлолома, направив в какое-нибудь дерево, или решишь, что железобетонные столбы линии электропередачи стоят не там, где бы им следовало стоять. Зная твой беспокойный характер, я даже не сомневаюсь, что ты обязательно постарайся их передвинуть с одного придорожного участка на другой. Хорошо, если с тобой ничего серьезного не произойдет и ты не останешься калекой. Сейчас я вызову своего водителя. Степаныч всю сознательную жизнь занимался техникой. Он поможет тебе выбрать автомобиль, который подойдет тебе по всем параметрам. Если нужно, к нам пришлют более опытного и образованного специалиста.

– Не надо, Ромчик, я думаю, твой водитель действительно неплохо разбирается в технике.

– Тогда не станем откладывать на завтра то, что можем сделать сегодня! – решительно произнес я. – Позвоню ему на мобильник. Через несколько минут он будет здесь...

Мы с прежней любовью посмотрели друг на друга. Наше семейное спокойствие было восстановлено.

К тому моменту, когда Степаныч нажал кнопку звонка моей шестикомнатной квартиры, Виктория уже вновь была в отличном настроении.

– Вы меня вызывали, Роман Александрович... – с некоторой тревогой в голосе подметил Степаныч.

Он был немало удивлен тем, что я пригласил его войти в дом. Обычно я общался с ним только в офисе или разговаривал по телефону.

Заметив его тревожное состояние, которое могло быть вызвано моей женитьбой и его боязнью лишиться работы по причине пенсионного возраста, я поспешил его успокоить.

– Вот что, Степаныч, – без лишних вступлений сказал я, – как тебе известно, моя милая Викуличка желает приобрести в личное пользование автомобиль, но загвоздка в том, что она никогда не сидела за рулем и у нее нет водительских прав.

– В таком случае, Роман Александрович, лучше всего приобрести автомобиль с гидромеханической коробкой передач, – уверенно заявил он. – Это избавит госпожу Белозерову от множества ненужных действий. Ей не придется выжимать сцепление...

Я всегда удивлялся его проницательности и не зря ценил его неоспоримое достоинство: никогда ничему не удивляться и не задавать лишних вопросов.

– Ты можешь нам посоветовать что-либо стоящее? – поинтересовался я.

– В какую сумму следует уложиться?

– Не имеет значения. Главное – чтобы Виктория осталась довольна.

– Можно рассчитывать на сумму от двадцати до тридцати тысяч долларов?

Мы с Викой невольно переглянулись. По сравнению с тем, что я был готов заплатить, это была не сумма, а сущий пустяк.

– Можешь не смотреть на цены! – высокопарно произнес я. – Главное – чтобы автомобиль соответствовал требованиям безопасного движения, был легким в управлении.

– Ваша супруга не будет разочарована... – облегченно вздохнув, заверил он.

Я понял, что не ошибся в своих подозрениях. Молодая, цветущая, жизнерадостная Виктория невольно вызывала у него чувство тревоги. Впрочем, его опасения не были безосновательны. Степаныч вполне меня устраивал, но ведь она могла потребовать, чтобы я принял на работу другого водителя.

– И вот еще что, – задумчиво произнес я. – Вероятно, придется подыскать инструктора, который бы помог ей разобраться во всех тонкостях устройства и эксплуатации автомобиля. Так или иначе, дополнительные навыки не помешают. Иначе, даже сдав все экзамены и получив водительские права, она не сможет без эксцессов отъездить и одну неделю. Даже не удивлюсь, если эти новенькие права у нее изымут на второй день после их получения.

– Если хорошенько подумать, то я смогу найти такого человека! – уверенно сказал Степаныч. – У меня есть знакомый инструктор...

Я посмотрел с некоторым сомнением и тут же спросил:

– Я его знаю?

– Маловероятно.

– У него есть рекомендации?

– Затрудняюсь ответить, Роман Александрович...

– Кто такой?

– Симпатичный молодой человек, лет двадцати, двадцати трех... Достаточно хорошо воспитан. Трудолюбив. Занимается ремонтом автомобилей. Уверен, он не откажется подзаработать. Кому сейчас не нужны деньги? Тем более не женатому пареньку...

– Откуда он родом?

– Недавно приехал из Вологды, но уже добился значительных успехов. У него железная хватка. Он не боится трудностей и смело берется за любую работу.

– Из какого района он прибыл? – взволнованным голосом спросила Виктория. – Я сама родом из Вологодской области.

– Не интересовался. Если так важно, то могу узнать более точно, – бойко ответил Степаныч.

– Пригласи его ко мне на собеседование, – сказал я, удовлетворенный тем, что в глазах Виктории вновь вспыхнула озорная веселость. – Пусть зайдет завтра, где-нибудь ближе к вечеру. Я намерен познакомиться с ним поближе.

– Да, Роман Александрович...

– Пусть подойдет к 17.00. Я буду ждать его в офисе.

– Непременно, Роман Александрович! Я подвезу его к этому времени. Уверен, что вы не пожалеете. Он очень расторопный и трудолюбивый...

– Как его зовут? – ненавязчиво спросил я.

Степаныч невольно наморщил лоб.

– Данила... Данила Луговой...

Я заметил в глазах Виктории лукавый блеск.

– Тебе знакомо это имя, дорогая? – осторожно поинтересовался я.

– Вряд ли, милый! – уклончиво ответила она. – В Вологодской области почти миллион двести двадцать тысяч жителей.

– Надеюсь, твой земляк действительно приятный молодой человек и ты сможешь с ним подружиться, – добродушно заключил я.

Когда Степаныч вышел на улицу, Виктория окинула меня удивленным взглядом.

– Что ты имел в виду, когда сказал о дружбе?

– Видишь ли, дорогая, – поспешно пояснил я, – в моем высказывании не было ничего предосудительного. Ради достижения какой-то определенной цели иногда приходится заводить дружбу даже с людьми низшего сословия. Во всяком случае, если он и впрямь толковый инструктор, то его занятия пойдут тебе только на пользу.

– Ты прав, Ромчик, – согласилась она. – Я буду примерной ученицей и постараюсь с ним подружиться.

Меня удивила ее внезапная кротость, но я, к сожалению, в очередной раз не придал этому особого значения.

– Милый, какой же ты у меня замечательный и заботливый мужчина! – жизнерадостно воскликнула Вика. – Я безумно счастлива оттого, что вышла за тебя замуж.

Она вскинула руки и обхватила меня за шею.

– Если этот Данила Луговой окажется не таким специалистом, как обрисовал его Степаныч, то мне придется подыскать тебе другого инструктора. Учти, дорогая, я не намерен швырять деньги на ветер! – предупредил я.

– Как скажешь, любимый! – ответила Виктория.

В ее лукавом взгляде вновь вспыхнула несвойственная ей покорность.

9

Я сидел в мягком кожаном кресле, небрежно закинув ноги на журнальный столик, и смотрел телевизор, когда в дверь моего кабинета постучал Степаныч.

– Роман Александрович! Я переговорил с инструктором Луговым, – с улыбкой на лице доложил он.

– Ну и каков результат?

– Данила с восторгом принял ваше предложение.

– Где он? – не отрываясь от телевизора, спросил я.

– Здесь, Роман Александрович! Ожидает в приемной...

– Передай ему, чтобы вошел. Я хочу с ним побеседовать. Он меня интересует не только как инструктор колесных автомобилей, но и просто как человек.

– На этот счет можете быть абсолютно спокойны. Данила достойный представитель нынешнего поколения. Он интересуется не только машинами, но также литературой, поэзией и живописью.

– Хорошо! – отмахнулся я. – Приятно знать, что это всесторонне развитый молодой человек.

Мне понадобилась пара минут, чтобы я мог привести себя в порядок. В любом случае я должен был показать наемному работнику, кто в моем офисе полноправный хозяин. Ему изначально следовало понять, что я не потерплю никаких оплошностей с его стороны и что меня не так-то просто обвести вокруг пальца.

Когда он с некоторой робостью вошел в кабинет, то сразу произвел на меня приятное впечатление. Ему действительно не было более двадцати трех лет, и он оказался гораздо симпатичнее, чем я мог представить, судя по описанию моего престарелого водителя. Его густые русые волосы были коротко острижены и аккуратно зачесаны назад. Он был высокого роста, опрятно одет и чисто выбрит, если не считать узкую полоску черных усов на верхней губе. Вероятно, Данила насмотрелся ковбойских фильмов и старался подражать представителям сицилийской мафии. Хотя, должен признать, сразу было видно, что он получил хорошее воспитание. Если бы Данила не работал в автомастерской, а учился в университете, то со временем из него мог бы получиться непревзойденный хирург или отличный адвокат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.